

фантастическая
история

Виктор Сиголаев
**Фатальное
колесо.**
На все четыре стороны

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Фатальное колесо

Виктор Сиголаев

**Фатальное колесо. На
все четыре стороны**

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Сиголаев В. А.

Фатальное колесо. На все четыре стороны / В. А. Сиголаев —
«АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (Фатальное колесо)

Думаете, что детство советского ребенка было счастливым и безмятежным? Наверное, так. Но только не в том случае, когда в голове у обычного второклассника появляется сознание взрослого человека. Причем – из наших дней! С двумя высшими образованиями, с боевым офицерским опытом и памятью, обожженной лихими постперестроечными годами. К чему может привести такой гремучий симбиоз? Кем станет этот школьник? На чьей стороне окажется? Собственно, варианта только два: или на стороне добра, или... наоборот. Но даже если ты выбрал правильный путь, где гарантии, что твой выбор самостоятелен? А вдруг все подстроено какой-нибудь мифической принцессой, возраст которой далеко за тысячу лет? И которая в случае чего просто исчезнет на все четыре стороны? А тебе отвечать!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сиголаев В. А., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Сиголаев

Фатальное колесо. На все четыре стороны

— Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

Марина Цветаева

Глава 1

То, что не украшает настоящих мужчин

Шрам будет.

И вновь на пятой точке.

Что же мне так не везет с местом размещения этих чертовых «мужских украшений»? Да и обстоятельства их приобретения в моем конкретном случае какие-то сомнительные. Не очень героические, я бы сказал.

Ну, в первый раз – понятно, тогда я хоть от злодея отбивался и жизнь свою спасал, для чего и крушил почем зря стеклянные витрины в краеведческом музее. Собственно, за это и получил «шрапнелью» в основание позвоночника.

Это еще куда ни шло. Бог, что называется, шельму метит.

Но сейчас, блин... И смех и грех! Никаких опасностей в обозримых окрестностях, и все равно прилетело в нужный сектор – тем же концом, да по тому же месту. Нарочно и не придумаешь! Как говорится, сколько ни крути... торсом – награда по-любому найдет героя. Точнее, даже и не всего героя целиком, а лишь мягкую и беззащитную часть в его тыловой локации. И это уже становится традицией.

В результате – сижу я, значит, на санках среди шума резвящейся детворы и чувствую себя жуком, наколотым на булавку. Сижу и рефлексирую...

Беда.

А кстати, это все зима виновата! И невыносимо ослепительная солнечная погода, украсившая легким морозцем крымские январские денечки одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

В нашем городе вообще зимы своеобразные. Атипичные, я бы сказал. Похожи чем-то на позднюю осень где-нибудь в Подмоскovie, с той лишь определяющей разницей, что пасмурных дней у нас на порядок меньше. И поэтому нет этой унылой всепроникающей депрессионной хмари, заливающей тоской все центральные районы нашей горячо любимой Советской страны. А снег тут у нас вообще выпадает на десять-пятнадцать дней от силы, и это в самые что ни на есть суровые и холодные зимы. Короче, снега у нас критически мало. И все равно – в целом мире нет более безумных фанатов зимних развлечений, чем мои неприхотливые земляки.

Как только толщина снежного покрова превышает критический сантиметр, а вместо хлюпающих луж под ногами начинает похрустывать редкий и экзотический в этих местах ледок, по дворам и закоулкам лихорадочно извлекается на свет божий весь имеющийся в наличии зимний развлекательный инвентарь. Причем весь и сразу! Тут вам и лыжи, и коньки, и клюшки с шайбами, и самые разнообразные средства для реализации долгожданных скоростных спусков – от банальных санок до школьного портфеля. Не беда, что из-за острого дефицита снежной массы приходится иногда преодолевать «лысые» участки маршрута по асфальту и щебенке. Ничего! Зато в слаломных трассах нет недостатка, холмов и пригорков у нас хватает с избыт-

ком. Да практически каждая вторая улочка в частном секторе – потенциальный горнолыжный спуск, вовсе и не обязательно выезжать за город. Что за глупости?

Тут главное – успеть! Пока не растаяло...

Кому счастье, а кому и недели кошмара. Как, к примеру, для ни в чем не повинных прохожих, в ужасе шарахающихся от несущихся со всех сторон и ошалевших от нечаянного зимнего счастья малолеток.

Вот и я, несмотря на свой более чем солидный возраст, раздобыв у соседа старенький агрегат на полозьях, посвятил сорок минут собственного драгоценного времени дикому и оголтелому санному спуску. Кто знает город – по улице генерала Петрова, в той ее части, где она пересекает макушку «дачного» холма. На районе это самая монументальная ледяная горка, метров так двести свободного полета. И проезжую часть нигде не пересекает, что тоже, между прочим, крайне немаловажно. Улица Ломоносова не в счет, она не заасфальтирована. А вот со следующего перекрестка, там, где поперек маршрута выскакивает улица Щербака, асфальт все же есть. И бордюры соответственно присутствуют... твари коварные.

В один из них я и въехал на излете, ознаменовав сим потрясающим актом экстренное окончание своего нечаянного развлечения. Подо мной что-то хрустнуло, и острый обломок древесины с жутким чмоком глубоко вошел под кожу в районе подъягодичной складки, если можно так выразиться с точки зрения анатомии. Я даже боли не почувствовал. Замер как паук прищипленный, настороженно прислушиваясь к новым и незнакомым ощущениям – к состоянию присутствия инородного тела в собственном и горячо любимом организме.

И время тут же потеряло смысл!

И меркнуть стали краски бытия, мир разделился на «до» и «после»...

Только вот «отряд не заметил потери бойца». Потому что вокруг, как это ни обидно, продолжалось торжество зимнего беспредела.

– Смотри. Смотри! Тут трамплин какой зыковский! А ну давай, Лысый, попробуй! Только чуть в сторону надо...

– А-а-а!... Гык!!!

– Так в другую сторону... надо было. Там, где деревьев нет. Не сильно долбанулся?

– Я прибью тебя щас, Петрухин!

– Эй, мелкая! Ну, чего ты там? Долго ждать-то? Давай уже, спускайся!

– Да не смогла я! У меня портфель порвался. Подожди, я на дневнике попробую! У него обложка... скользкая.

– Миша! А ну домой, быстро! Михаил! Я кому сказала?! Ты меня слышишь?!

– Еще разик, мама! Ну, мама! Ну, пожа-а-а-лста! Глянь, как могу...

– Эй, шпана! А ну, ша! Черти оглашенные, шума от вас...

– Ой, батюшки! Куды? Куды летишь-то, ирод? А ну дай пройтись...

– Подожди, не спускайся, там бабка чешет! Пускай пройдет.

– Я тебе сейчас дам «чешет»! «Бабка» я ему, какая я тебе «бабка»? Невоспитанный какой...

– А-а-а!... Гык-гык-гык!

– Та ваще не туда завернул, Лысый! Там же... ступеньки.

– Ну все, Петруха! Капец тебе! Щас я только поднимусь.

– Булка! Ты чего там замер?

О! Вот и меня заметили.

– Все в порядке, Губа! Ты иди-иди себе. Мне тут просто... посидеть надо. Подумать.

Ага, самое время для самосозерцания. Лучше и не придумаешь!

А горка кричала, рычала, визжала и хохотала. Какой-то безумный карнавал радости и счастья. И только я, приконопаченный злодейкой-судьбой к финишной черте бобслейного заезда, стремительно терял восторженный запал.

В одно мгновение стал лишним на этом празднике жизни.

И на помощь звать как-то неудобно – не хотелось портить людям настроение своими смехотворными (в обоих смыслах) проблемами. Да и... стыдно было, чего греха таить. Подобные ранения, как упоминалось, мужчину особо-то и не красят.

Встал все же кое-как, придерживая поврежденное транспортное средство у себя за спиной, ухватился поудобнее за полозья, хотя какое тут к чертям удобство, да и похромал себе тихонько в сторону дома, благо мы недавно переехали на новую квартиру, тут рядом.

Болевые ощущения все же пришли. С каждым шагом все чувствительней и неприятнее, но что я, не мужик, что ли? В свои-то восемь лет? С учетом еще... сорока девяти, если принять во внимание, что полтора года назад в это детское тело вселилось сознание взрослого мужчины из двадцать первого века. Такой вот фантастический расклад – снаружи ребенок, внутри – дед почти.

Как ни крути, большой уже мальчик!

И сразу же захотелось задать естественным образом напрашивающийся вопрос: какие же бесы потащили этого «большого мальчика» на ледяную горку? Опять детство разыграло? В том месте, откуда сейчас рейка торчит? Тысячу раз зарекался не потакать своей «младшей половине»! Балуешь ты его...

А че, уже и покататься нельзя?

Цыц, паршивец. Не дергай санками!

Блин, больно-то как...

То-то же.

Блин! Опять у меня в голове старый да малый воюют.

Так и шел, шизофренируя своими двумя мозговыми составляющими – взрослой и детской, не забывая при этом чутко и филигранно соизмерять покачивания санок с собственными шагами.

Грустно.

Завтра днем планируется очередная тренировка, и мне крайне проблематично будет сохранить в тайне от партнеров свои новоприобретенные увечья. Замордуют ведь комментариями. Может, простудиться? Зима ведь. А у меня вон все ноги мокрые.

Да только не болею я. То есть абсолютно.

Как раз с момента возвращения взрослой составляющей в свое собственное детство. Сопутствующая аномалия, так сказать. И заживает все на мне как на бешеной собаке. Выражаясь научно – ускоренная регенерация тканей, на что наш начальник Сергей Владимирович давно уже обратил внимание, благо всегда в избытке находились «добрые люди», пытающиеся неоднократно повредить мне мою драгоценную шкурку. Бывало, что и с использованием огнестрельного оружия.

Так что закосить не удастся.

Дома меня без церемоний уложили на живот, вспороли до задницы старенькие лыжные штаны и одним махом извлекли из тела все посторонние предметы. Включая и мелкие занозы. Я даже и не почувствовал ничего особо, потому что мама моя – медсестра от бога.

Чтобы сильно не радовался исцелению, мне тут же антисептировали рану йодом, сопровождая сей поучительный процесс обильными нравоучениями, суть которых заключалась в сожалениях по поводу кратковременности искомых оздоравливающих процедур. И в надежде, что когда-нибудь я уже проткну себе наконец свою бестолковую голову, не дающую покоя, согласно общепринятым постулатам, и ногам, и всем многострадальным конструкциям выше. Звучало, конечно, шокирующе, но... не стоит беспокоиться. Все не так буквально. И это мама не со зла, а для убедительности, так сказать. Для гиперболизации педагогического акта йодотерапии.

Зато младший братик порадовался от души, солнышко наше.

Ему родители по малолетству на горки ходить не разрешают, вот он и тоскует дома один. А тут нате, какой неожиданный подарок – целые потоки йода на зловредную задницу. Мелочь, а приятно. Ну да, священной «братской» дружбы у нас с ним как-то не вытанцовывалось. По многим причинам, углубляться не хочу. Те, у кого в семье есть младшие братья и сестры, меня, наверное, поймут.

– Иди-иди, Василий, в комнату. Не мешай.

– Ма-ам! Я посмотреть хочу.

– Нечего тут смотреть. Щепка в попе. Обычное дело для твоего братца. Вон смотри, здесь шрам, здесь рубец. Летопись, а не задница! Этапы боевого пути.

– Эй! Я вообще-то еще здесь. Или вы только одну мою задницу замечаете?

– Не тяни штаны! Не высохло еще. Полежи еще на животе. Десять минут чтобы не переворачивался. В наказание. А будешь много говорить – соседку приглашу. Тетю Свету. И дочек ее, близняшек. Они в медицинский собрались поступать, так пускай полюбуются... на перспективного больного.

Маму хлебом не корми – дай понаказывать с креативом. Вот чувствую, что она педагогически не права насчет близняшек, только спорить с ней – что против ветра... бодаться.

– Все, молчу-молчу. Васька! Пошел вон! Нечего тут пальцем тыкать.

– Василий!

– Там кровь у него! Смотри!

– А что еще должно быть? Компот?

– Хи-хи.

– И завтра в поликлинику пойдем.

– Зачем это? Ты же все обработала! Йодом!

– Положено так! А вдруг столбняк? Пусть врачи посмотрят.

Страшилка про столбняк не нова. Можно сказать, мама кошмарит меня ею все сознательное детство – от ясельных майданчиков до... да, по-моему, аж до призыва в армию!

Еще ужаснее в маминой интерпретации – это перспективы уколов в живот, если вдруг собака укусит. Или уколов в спину, уколов в плечо, да куда угодно, лишь бы не в... «летопись». Считается, что все эти жуткие инъекции чрезвычайно болезненны. Поучительно болезненны! Чтобы, значит, знал, как шkodить, щучий сын!

Дешевые, если честно, страшилки, но Васька, к примеру, ведется.

– Мама! Витьке надо в живот укол сделать – он санки сломал! А они, между прочим, не наши. А соседские!

– Василий, сколько раз тебе говорить, что ябедничать нехорошо? Некрасиво это! Так... ты говоришь, чужие это санки?

– Да-да! Чужие, я знаю. Укол ему! Это дяди-Петины санки.

– Так не выражаются люди. Надо говорить – «санки дяди Пети». Ладно. Папа с работы придет, починит. Господи! Ни своих вещей не бережет, ни чужих! Что за ребенок?

Что, братан, не прокатило?

– А еще он...

– Василий!

– А я и не ябедничаю...

– Да? Тогда ладно. Ну что он еще натворил?

Нормально? Как у них от такой логики голова еще не квадратная?

– А еще он монеты без разрешения брал!

Опа! А вот это залет, боец...

У нас, точнее у матери, есть небольшая коллекция иностранных монет. В основном – немецких, времен Третьего рейха. Находили их в развалинах домов сразу после освобождения города в сорок четвертом году. Плюс монетки стран социалистического лагеря – всякие

стотинки, грошики, филлеры да прочие пфенниги. Бабушка одно время подрабатывала вахтером на стадионе КЧФ и общалась с иностранцами. Что называется, не без выгоды. Есть у нас даже, упаси бог, целый один доллар! Бумажный. Серо-зеленый, мрачный и... жутко опасный. Поэтому он и хранится в отдельной жестяной коробочке, как в изоляторе строгого режима. Бедный Джордж!

– Виктор! Это правда?

– Чего «правда»?

– Монеты брал?

– Ничего я не брал. Я даже не знаю, где они лежат.

Вру, конечно. Чтобы я и не знал!

– Ага! Он знает, знает! В спальне на шкафу. За швейной машинкой.

– Так это Василий знает, а не я. Теперь, правда, и я в курсе. На шкафу, говоришь, Вася?

– Василий! Так это ты монеты брал?

Съел?

А не надо было на брата стучать. С кем пытаешься интригами меряться, салага?

Впрочем... как-то само собой стрелки перевелись. Даже без особых усилий с моей стороны. Все, теперь начнутся разборки. Следственно-педагогическое дознание.

Давайте-ка без меня.

– Мам, я посплю. Чего-то в сон клонит. Это от ранения, наверное...

В конце концов, кто сегодня здесь пуп Земли?

– Температуры нет? Дай лоб. Вроде нет. Поспи. Завтра в поликлинику.

– Да слышал я, слышал.

– Василий! А ну иди сюда...

Успехов.

Так. Поликлиника – это даже хорошо. Это отмазка от тренировок, хотя заниматься я люблю. Мои инструкторы Сан-Саныч и Ирина соскучиться не дадут никогда. Всегда что-то интересное показывают. К примеру, как безболезненно задержать дыхание почти аж на три минуты. Или как порезать противнику кожу, имея под рукой только лист бумаги. Или, скажем, способы бесследного нанесения побоев негодяю. Очень болезненных. Гораздо болезненней, чем уколы в спину.

Знала бы мама, чем я там занимаюсь в этом своем шахматном кружке Дворца пионеров, – не пугала бы уколами раненого героя. Веселенькие такие у нас тренировки. Полезные и познавательные. Да только... «летопись» пока болит. Не стоит ее перегружать.

– Мам!

– Да. Ты почему не спишь?

– Передумал. А во сколько завтра в поликлинику? У меня же школа.

– К восьми. Сейчас схожу за талончиком. Опоздаешь на первый урок, ничего страшного.

Что у тебя первым, кстати?

– Русский.

– Вот и хорошо. Перепишешь потом задание на дом. А я тебе еще и дополнительно дам упражнение.

– Чегой-то?!

– А не будешь... Осторожнее будешь на этих ваших горках сумасшедших! Чего тебе, Василий?

– А чому Витьке на горки можно, а мне нельзя?

– Сколько тебе говорить: не «чому», а «почему». Научишься выражаться как следует – тогда и посмотрим.

– А я уже умею, умею! Гля: По! Че! Му! Почему-почему-почему!!!

– Хватит! Я тебе сейчас ремнем покажу, где у тебя такое «гля»!

– Ы-ы!

– Мне тут дадут поспать когда-нибудь? Больному человеку?

– Ы-ы-ы!

– Васька! Скоти... То есть братик, дорогой! Не будешь ли ты так любезен ЗАТКНУТЬ СВОЮ ОРАЛКУ!

– Виктор!

– Ы-ы-ы-ы!!!

Обычный семейный вечер. Теплый и душевный.

Типовой.

Глава 2

Прелести бесплатной медицины

Не все так просто! Здесь вам не тут.

В сказку, что ли, попали?

Талонов к доктору с записью на следующий день не было. Кончились, и что-то мне подсказывает, что и не начинались особо. Пришлось матери с раннего утра лететь в регистратуру – к открытию, к семи часам. А точнее – к половине седьмого, чтобы зазорчик был ефрейторский небольшой... с поправкой на пенсионеров, страдающих перманентной бессонницей.

Ничто не напоминает? Хотя что-то в этом мире остается незбылемым.

Мама – за талончиком, я – из дома вон, хотя точно знаю, что братиком родненьким буду заложен с потрохами. Главное, успеть до маминого возвращения из больницы. Тогда Васькин «стук» можно списать на издержки буйной дошкольной фантазии. И рвение подрастающей ябеды, отягощенное необходимостью вновь идти в опостылевший детский садик.

Коварно? Не буду спорить. Не мы такие, жизнь такая...

На первом этаже нашей жилой пятиэтажки по улице Батумской – проектное бюро, и вход туда по центру противоположного фасада. Но самое главное – рядом с крыльцом этой конторы, которая в такую рань пока еще не работает, есть чудесная телефонная будка. Без стекол по бокам, о чем я заведомо предусмотрительно позаботился. Это чтобы ногами становиться на ребра проемов и комфортно коннектиться с кем угодно. Роста мне не хватает, да я уже прежде рассказывал...

Надо думать, автомат здесь специально поставили, чтобы чертежники не злоупотребляли служебным телефоном внутри конторы. Видимо, какой-то из начальников считает себя жутко предусмотрительным. Поборник трудовой дисциплины во славу социализма, впрочем, спасибо ему...

– Але! Дежурный? Мой код... Ага. Да-да, он самый. Чего? Да сам ты такой. Короче! Веня! Не балуйся на службе. У меня для Пятого сообщение. Записываешь? Знаю, что и так положено. Я просто напоминаю тебе, что-то больно игривое у тебя настроение спозаранку. Открывай кавычки: «Вторник, четырнадцатое января семьдесят пятого. Взял отгул по семейным. Подробности в среду. Старик». Есть? Что? Ну вот тебе какое дело? Чего? Чего-чего? Вы там все что, с дуба рухнули? Какие зачеты? Мне восемь лет! Какая история партии? Веня! Ты прикалываешься, что ли? Все! Все, я сказал. Не знаю ни про какой марксизм-ленинизм. Да! И про него тоже ничего не знаю. И про Мавзолей не помню. Беги, стучи! Все! Конец связи.

Хотел врезать трубкой по рычагам, да чуть сам не рухнул вниз – забыл сгоряча, что стою тут враскоряку в канонических пропорциях. Как идеал витрувианский.

Идиот этот Веня. И тоже – канонический.

Хотя, скорей всего, это шутка юмора. Веня всегда хохмит с очень серьезным видом и замороженным голосом. А поскольку большей частью хохмит тупо, уровень его сарказма вообще не поддается измерению. Может быть, наши и сдают зачеты по идеологическим нормам, только с какой такой пьяной радости и я должен корячиться?

Дебилы! Так и норовят испортить настроение с утра пораньше.

Не стану утверждать, что и мать вернулась в чудесном расположении духа: в регистратуре явно была очередь. Многим, наверное, не спалось. Минут пятнадцать еще впустую ушло на размазывание подрастающей ябеды по стенам родных пенатов – здесь мой тонкий расчет оказался верен, – и только потом мы выдвинулись в сторону поликлиники. Здесь, на мое счастье, идти недалеко – до площади Восставших, минут десять ходу. «На счастье» – потому что

с недавнего времени мне булками лишний раз шевелить стало как-то не в кайф. Может, нерв зацепил? Тянет что-то в ягодице. И если приходится сидеть, то совершенно без удовольствия.

Как, например, в этой долбаной очереди в поликлинике.

Я и не сидел особо. Слонялся по выпцветшим линолеумным квадратикам коридора, пытаюсь установить закономерность их шаловливой расцветки в общей цветовой гамме. А заодно со скуки рассматривал посетителей.

– Витя! Далеко не ходи! Скоро наша очередь.

Ага! Знаю, как «скоро».

Зачем, спрашивается, вообще талоны дают? За которыми нужно ни свет ни заря еще и очередь отстоять в регистратуре. А на нашем талоне, приколы, еще и время указано – «восемь-четырнадцать». Не пятнадцать и не десять. Четырнадцать! Какое тонкое глумление. Глава иезуитского ордена, наверное, прыщами изошел бы от зависти.

В четырнадцать минут наша очередь, разумеется, не подошла. И даже не собиралась, собственно. Больше скажу: мы даже не были «следующими», как предполагалось. Впереди маячили еще две персоны на прием – парочка пожилых бабуль без видимых повреждений. Впрочем, мои увечья тоже особо в глаза не бросались. Кстати, непонятно – начало приема в восемь, у нас назначено на четырнадцать минут, а перед нами – трое! И все с талончиками. Прием по четыре с половиной минуты?

Чудеса бесплатной медицины.

Непостижимо!

– Это ведь ужас какой, – убеждала старушка, та, что перед нами, ту счастливую бабулю, чей заход к эскулапу должен был сейчас состояться. Тон рассказчицы явно рисковал вот-вот сорваться с менторских интонаций на драматично-завывающие. – Скоро из дому во двор нельзя выйти будет. Куда участковые-то смотрят? Безобразие!

– Нет таперича милиции. Такой, как раньше. И не видно, и не слышно. Беда!

– А ведь были времена – на каждом перекрестке стояли! В белой форме! В ремнях!

– Ага! Герб на шлеме. Револьвер. И палочкой так машет – туда, мол, езжай. А туда, стало быть, нельзя. Никак не можно.

Шлем?

Это же сколько лет бабушке? Точно знаю – с двадцать пятого года у представителей рабоче-крестьянской милиции были предусмотрены фуражки с околышами. Или еще раньше?

– А сейчас? Сейчас-то как? Говорю же, безобразие!

И богатый мимический пассаж на тему «да чего там говорить, и так все ясно».

– Да уж. – Гримаса понимания и солидарности в претензиях. – А давеча в Камышлăх?

– Ох уж эти Камыши, Господи, страсти Христовы! Кошмар наяву! Беда бедовая.

– Да не в Камышах, Петровна! Не в Камышах, а в Камышлах! Ты че путаешь-то? То бухта, а то деревня. На Северной стороне. Чай, не знаешь?

– Как не знаю? У меня кума там огородик держит. В Камышлах-то. Ногу там сломишь, ни дороги, ни тропинки.

– И то верно...

Я от нечего делать наострил уши – все равно заняться нечем.

Ну, что там у вас за ужастики?

– А что у вас говорят?

– Так то же, что и у вас: убили всех. Почитай, всю семью – три человека. Бабку, деда и дочку, разведенку без детей. Всех изверги жизни лишили! Не пожалели.

– Говорят, кровищи-то, кровищи!

– Так все залито было! И ведь терпит на земле Господь зверей этих.

Да уж. Ну и новости у старушек! Я думал, кости сейчас станут перетирать какой-нибудь «шалаве», юбку ей заочно мерять, а тут...

Камышлы? На Северной стороне, значит. Приблизительно представляю, где это. Хотя и не точно, надо спросить у начальника.

– ...Топором, известное дело. Покуда спали. Прямо в постелях. И домик обчистили подчистую, – продолжала выдавать информацию первая старушка.

– Так что там грабить у пожилых-то людей? На похороны разве что, – со знанием дела отвечала вторая. – Так и не нашли кто?

– Нашли, знамо дело. На следующее утро и отыскиали душегуба.

Еле заметная пауза. Бабке не чужда теория драматургии момента.

– Ну-ну! Кто же это?

Мне самому стало интересно.

– Так алкаш местный. Из той же деревни.

– Выпить, что ли, не на что было?

– Вестимо дело.

– А как нашли?

Толковая какая старушка! Я сам точно такой же вопрос задал бы на этом этапе. Недооцениваем мы старость...

– Так ведь по следам! Ирод этот выходил уже из дому, так и собаку старую да глухую зарубил. Та даже и не тявкнула ни разу. А он в раж вошел, остановиться не мог. И пятна кровавые по снегу до его дому так и тянулись. Через всю деревню. А утром, как нашли его, он пьяный и оказался. В одной руке бутылка, что в доме у убитых взял, а в другой – топор в крови.

Странный какой-то убийца. Тоже какой-то театрально-демонстративный.

– А говорил что?

– Так поди ж знай! Мне не докладывают. Только понятно и так: трубы горели.

Со знанием дела говорит бабуля. Знакома не понаслышке. Дед, что ли, бухает?

– Моего старого, почитай, как прижмет раз в месяц, так лучше самой дать, – подтвердила мою догадку рассказчица. – Рука у него... ух, тяжелая. Так неделю и пьет беспробудно. Тихо и культурно. Только и успевай подносить, чтобы не осерчал. Говорит: «Я в Адлер уехал». Запой, стало быть. А как вернется снова, считай, «из Адлера» – душа-человек!

Это понятно. Хотя и не так интересно.

Что же это за убийство такое кошмарное? И Пятый ничего до нас не доводил. Впрочем, почему я решил, что он должен? Если в преступлениях нет перспективы нашего участия, никто и не будет нам про них рассказывать. Тем более когда подозреваемый уже найден. Хотя странный какой-то это подозреваемый. Может, больной на всю голову?

И собака...

Собаку зачем изничтожил? Злодей недостаточно удовлетворил свои кровожадные потребности, убивая людей? Зверски, надо заметить, убивая! Скрытый суперсадист? Или, испытывая смутное желание все-таки быть задержанным (из книжек мы знаем, что все маньяки об этом мечтают), он специально извел животину, чтобы кровавый след от собачьей будки тянулся до самого его дома? Ерунда какая-то.

Что-то здесь другое.

Я почувствовал, что мысленно вхожу в состояние, похожее на охотничью стойку. Как тот сеттер на дичь. Не бьются показания у старушек. Не ложатся ровно. А с другой стороны, разве это надежный источник информации – бабушки в поликлинике? Чего я взъелся вообще? Свербит в одной известной точке? Так она, на минутку, у тебя травмирована, должна свербеть. Чешется – значит, заживает, как компетентно заверяет меня моя мама.

И все же...

С недавнего времени я как-то по-другому стал относиться к подобным смутным ощущениям. К тем, что на грани эзотерики, хотя и не верю я во всю эту мистику. У любого явления существуют удобоваримые объяснения. У следствий есть причины, качество всегда появ-

ляется из количества, а без борьбы противоположностей не будет движения вперед. Прогресса не будет, разве не так нас учили?

Значит, и собаку убили не просто так.

И это «не просто так» что-то мне отдаленно напоминает. Что-то из глубины истории.

Я не говорил, что до переноса в детское тело из две тысячи пятнадцатого в тысяча девятьсот семьдесят третий я был историком? И преподавать начал еще в армии – солдатам-срочникам в девяностые годы.

А историков, как и офицеров, бывших не бывает.

Собака...

Опричники? Собачьи головы, притороченные к лукам седел? Да нет. Что-то ближе. Что-то из современности. Из времен...

– Пошли! – азартно шепнула мне на ухо мать, прерывая на взлете почти готовую уже родиться мысль. – Тихонько только!

Я с недоумением оглянулся. Куда пошли? Уже к врачу? А старушки?

А старушки так самозабвенно обсуждали деревенскую трагедию, что не заметили, как подошла их очередь, – из кабинета только что вышел текущий клиент. А мама заметила. Она у меня никогда в облаках не витает.

Стараясь не демонстрировать избыточную торопливость, мы степенно продефилировали к заветной двери и неожиданным для окружающей очереди рывком преодолели последнее препятствие. За спиной многоголосо вякнули и... остались за дверью. В прошлом. На задворках истории.

А перед нами – вот она, заветная цель!

Пора снимать штанишки.

Глава 3

Ликбез на злобу дня

- Я все равно ничего не понял. Почему на втором съезде? Почему не на первом?
- Сан-Саныч! Не позорь мои седины. Это каждый ребенок знает... у нас... кх-гм... в Советском Союзе.
- И я знаю! Я только понять не могу.
- Вот смотри, к примеру, ты какого числа родился?
- Двадцать девятого.
- Ну. Месяца какого? Сан-Саныч. Не тормози!
- Так этого... февраля...
- Ничего себе. Кривой Касьян? Крутяк. Вон оно в тебе все откуда... Оригинально. То-то я и смотрю...
- А в бубен?
- Понял, коллега, не педалирую. Продолжаю мысль. Двадцать девятого февраля ты родился, значит, зачали тебя... э-э... двенадцать минус девять... плюс два... в мае. В самом конце, если ты не семимесячный.
- Все-таки в бубен?
- Не отвлекайтесь, уважаемый. На мелочи. Если расценивать все эти события исключительно с точки зрения физиологии, то ты, душа моя, родился вовсе и не в феврале, а... в конце мая предшествующего года, строго говоря. Не буду уточнять, в каком виде и в каком конкретно папином органе. Не надо краснеть, взрослый уже мальчик. Ирина, хватит ржать! Мешаешь формулировать.
- Об этом как-то не принято...
- Отставить, поручик. Тут вам не институт благородных девиц. История партии – это тебе... не хухры-мухры... не мелочь по карманам тырить!
- Кто не верит своим ушам – я действительно консультирую своего боевого товарища по курсу истории Коммунистической партии Советского Союза. Факультативно. И не без креатива, разумеется.
- Ну, продолжай...
- Итак, выработали... кх-гм... тебя когда? В конце мая. Но свет Божий ты увидел только в конце февраля следующего года. И это – твой официальный день рождения. Формально-традиционный. По паспорту. Так и с партией – на первом съезде, который подпольничал в Минске, произошло, образно говоря, за-ча-ти-е! Всего-навсего девять делегатов со всей России! Ни программы, ни устава, один только манифест... подмахнули. Да резолюцию об образовании РСДРП. Здесь понятно?
- Ну.
- Баранки гну! Запомни, первый съезд партии – это только демонстрация желания. Совокупление. Коитус. Впрыск. Чик – и... побежал сперматозоид по трубам...
- Мне так и рассказывать на парткомиссии? Про сперматозоид?
- Если хочешь... чтобы в комсомольцы разжаловали. И служить любишь не на северном побережье Черного моря, а на южном берегу Баренцева. Так вот. Первый съезд прошел себе, всех делегатов благополучно арестовали и забыли, как дурной сон. Власть в России даже и не напряглась особо. Вовочки Ульянова в Минске, кстати, и не было вовсе. Он в это время в Шушенском рябчиков стреливал да селянок шупал.
- Как-то... неуважительно...

– Переживет. А на втором съезде, в Лондоне, Ленин уже присутствовал. Вот тогда революционеры и разработали устав, программу, а заодно и раскололись до кучи – на большевиков и меньшевиков. С одной стороны Ленин, с другой – Плеханов. Запомни хоть это. Партия была фактически уч-реж-де-на. И это слово запомни. Гораздо полезнее будет, чем сперматозоидами себе голову забивать... в обоих смыслах этой метафоры.

– Фу-ух. Вот оно мне надо?

А я даже соглашусь. Вот оно ему надо?

Налицо – вакханалия идеологического кренинизма. Зачем Козету разбираться в этих мудреностях, перекрученных до безобразия? Ладно я, историк. Еще что-то смутно помню обо всех этих «ненужностях», со студенческой скамьи. Но Сан-Санычу-то это зачем? Мало вам того, что он и так – гений оперативной работы? Профессионал с большой буквы? Или есть опасения, что дрогнет у профессионала одна из его идеологических подпорок, и крен пойдет куда-нибудь... на Запад.

Бред полнейший.

Дежурный Вень, кстати, не шутил: вся Контора в течение этой недели сдавала внеплановые Ленинские зачеты. Обливаясь слезами и чернилами, красочно оформляла конспекты «первоисточников» – тупо переписывала ленинские статьи из 55-томного популярного издания в общие тетради, которые должны быть не меньше, чем в девяносто шесть листов. А что, вы спросите, бывает больше? Нет, господа, то есть... товарищи, больше и... дальше – уже некуда.

Мы сидим в нарядной Ленинской комнате в красивом здании на улице, кстати, все того же дедушки Ленина. Здесь у нас Главный штаб – административный корпус городского подразделения. И сюда сегодня согнали целую кучу оперативников, накачали жути и рассадили по кабинетам расслабляться. В смысле, готовиться.

Я – внештатник, поэтому надо мной никто измываться не собирается. К счастью.

Но ведь я и не железный! Сочувствую, понимаешь, коллегам – помогаю, чем могу (хорошо, что у меня почерк корявый, уже припахали бы «товарищи»), морально большей частью.

– Не надо эту статью конспектировать, Ирина. У нее только название короткое – «Что делать?», на самом деле... замучишься потом ее защищать. Переписывай «Апрельские тезисы», там все коротко и понятно – вооруженное восстание, захват власти, и вперед! Наша тема.

– Старик, ты откуда все это знаешь?

Это она по инерции.

На самом деле в нашей группе только одна Ирина и в курсе, что мое сознание из двадцать первого века – я ей сам про это рассказал полтора года назад в пароксизме истерического откровения. И если кто и сможет объяснить мою компетентность в вопросах идеологической демагогии, так это только Ирина. Ну, еще и начальник, Сергей Владимирович, позывной Пятый – Ирина ему сто пудов все обо мне доложила. Хотя он виду и не показывает. Держит наши отношения в тоне недосказанности, так сказать. Чтобы не расслаблялись паршивцы.

Вот так все сложно.

– Вундеркинд я просто, – озвучил я официальную версию собственной «гениальности». – Улыбка природы. Вы бы не отвлекались, студенты, час остался до Голгофы. Вы, кстати, узнали, кто у вас зачет принимать будет? Разведчики.

– А то! Обижаешь, начальник, – ощерился Сан-Саныч, он же Козет, он же Ромео великовозрастный, так как сохнет по Ирине, полагая, что этого никто не замечает. – Нашим экзаменатором назначен некто Полищук Сергей Михайлович. Инструктор культпропотдела горкома КПСС. Инвалид войны, ветеран, герой партизанского движения, кавалер орденов и все такое прочее. Суровый мужик, говорят. Режет каждого второго. Принципиально – через одного.

– То есть, если я правильно понял, в вашей сладкой парочке жертвенный баран уже назначен?

– Сам ты баран! – взвился Сан-Саныч, хотя конкретно его, собственно, я этим чудным домашним животным и не называл. Взвился и... тут же стух обреченно. – Да, впрочем... Скорей всего. Не знаю, как этот чертов зачет сдать. Старик, ты же вундеркинд, придумай что-нибудь.

– Заболей.

– Да уж. Долго думал, «улыбка природы»?

– Тогда на гауптвахту загреми.

– Ты с Луны свалился? Нет у нас гауптвахты. Только следственный изолятор. И если туда загремишь, то выход только на восток. На северо-восток, если точнее.

– Ну, я не знаю. Сдашь со второго раза, если лажанешься, чего здесь страшного?

– Ты вообще дикий? А еще вундеркиндом называется. Не сдашь – минус премия, второй раз – под взыскание, третий – несоответствие, четвертый...

– Хватит, хватит. Я понял. Запомню просто... масштабы вашего маразма.

– Вашего?

– Мальчики, хватит, не ссорьтесь, – вовремя вступилась Ирина. Она-то прекрасно знает, что я имел в виду.

– Во! Я придумал, Саныч. Надо дело какое-нибудь форс-мажорное замутить!

– Форс... чего? Мутить?

– Организовать! И чего-нибудь горящее! Острое. Резонансное. Суперпуперважное. Чтобы не до зачетов стало начальству. Как с похитителями девушек было, помнишь? Из Москвы тогда проверяльщики сюда косяком шли. Или с Богданом-антисоветчиком...

– Ну, так-то так... Только где такое дело взять?

– Слушай, тут старушки в поликлинике про групповое убийство чего-то сплетничали. На Северной. Нет информации?

– Не-а. А когда это было?

– Не доложили бабушки. Поставлю им на вид. Ирина, узнаешь?

– Легко. Только было бы там что-то важное...

– Да это понятно. Просто... как бы это объяснить...

Как сослаться на чутье?

Про мою чуйку в отделе ходят легенды.

Про то, что неприятности в форме интересующих Контору правонарушений тянутся к моей травмированной пятой точке, словно мухи на... мед. Пчелы, наверное, будет точнее, да не суть важно. Важно то, что в новой своей реинкарнации, в теле восьмилетнего школьника взрослое сознание притягивает к себе самые опасные злоключения.

Проверено опытом.

Необъяснимо, но факт. Очень нужный и полезный факт для нашего начальника. И он просчитал этот феномен с первых же минут нашего знакомства позапрошлым летом. Влет. Может быть, наш Шеф тоже того... какая-нибудь аномалия? Во всяком случае, в деле своем он зверь. И чутья это касается, и опыта, и навыков.

Так вот, подсказывает мне моя чуйка, что убийство стариков и бездетной женщины в местечке Камышлы не так просто, как кажется. И не пьяный маргинал это сотворил, тут моя интуиция просто в истерике бьется. Не так все просто.

К тому же... собака.

Почему мне так не дает покоя расправа над животным?

Люди убиты! Молодая женщина и ни в чем не повинные старики! Где-то землю топчет нелюдь, воздух собой паскудит, а я уперся рогом в собаку...

Неожиданно я заметил, что вокруг воцарилась напряженная тишина.

Затаив дыхание мои товарищи ждали, что я там дальше буду оракульствовать.

Да что же это такое? Что это за культ моей личности? Может, мне с бубном в следующий раз на работу приходиться? Да с вороньими черепами на поясе тут пляски устраивать? Вокруг костра из учебников по истории партии? Как дети малые...

Я вздохнул.

– Не знаю. Мало информации. Ирин, узнай, а? Село Камышлы на Северной стороне. Пожилой хозяин, его жена и взрослая дочь зарублены топором. И собака... тоже. Вроде нашли подозреваемого, односельчанин-алкоголик.

– Хорошо, узнаю. Только к вечеру. Поздно уже будет...

– И еще. Это не из-за зачетов. Просто... беспокойно мне что-то...

– Ага! Когда тебе «что-то беспокойно», у нас пуканы рваться начинают!

– Саша!

– То есть я хотел сказать... э-э...

– Не напрягайся, Сан-Саныч. Все поняли. И... ты прав. Чувствую, опять мы на пороге грандиозного шухера. По крайней мере, в виде предстоящих Ленинских зачетов – это уж точно. Как минимум.

– Умеет же утешить... мама моя! Двадцать минут осталось. Чего еще почитать?

Черт. Козет явно в панике. Этот дядя с десятком головорезов справится походя, не напрягаясь, – даже пульс не участится. А здесь перед простеньким экзаменом – явно в предынфарктном состоянии.

– Саша, ничего не читай, нет смысла. И нового не запомнишь, и старое в голове перемешаешь в винегрет. Лучше расслабься и переведи дух, больше пользы будет. Медитируй.

– Тебе, Ирина, хорошо говорить. У тебя память как...

Не продолжил аналогию. Зная Козета с его «образным» мышлением, все поняли – продолжения не будет. Тем более что мой инструктор в трансе. Аж жалко мужика.

– Слушай, Саныч! Хочешь «козырь в рукаве»?

– Чего-чего?

– Есть одна информация, которая может тебе помочь на зачете.

– Ну?

– Какой съезд был последним?

– Тоже мне вопрос. Двадцать четвертый – на каждом углу транспаранты...

– Правильно. Про итоги съезда спрашивать не буду, их не каждый горкомовец сможет внятно перечислить. Но ты должен знать твердо – резолюцию по отчетному докладу можно образно назвать... запомни, Саныч... Брежневской «Программой мира».

Опасная игра вообще-то.

Нет пока еще в природе понятия «Программа мира», хотя резолюция принята аж четыре года назад. Лишь в этом году брежневские подхалимы станут называть стратегию царя Леонида пафосным словом «Программа...». По образу и подобию завсегдатая Мавзолея, питавшего слабость к этому словечку. И если Козет между делом вставит это креативное словосочетание в свое бление на зачете, это будет по-новаторски дерзко. И в десятку, так как искомые тенденции уже витают в воздухе.

Так пусть Саныч и будет первым!

– Саша, ты запомнил?

– Да, Ир. «Программа мира». Брежневская. Я же не тупой. Разрядка там. Ограничение ядерного вооружения, термоядерного, химического...

– Саныч, уважаю. Все правильно. Фишку придерживай напоследок. Сразу козырями не свети.

– Витек! Ты уж как маленькому мне не разжевывай.

– Все, молчу-молчу.

Вот и хорошо.
Оклемался вроде, раз огрызается.
А нам того и надо.

Глава 4

Жребий брошен, господа

Не помогла Сан-Санычу «Программа мира».

Видимо, не до конца ее продумал наш «дорогой Леонид Ильич». Либо Козет тормознул, впал по своему обыкновению в ступор, когда не надо. На деталях, скорей всего, посыпался. Срезал его на мелочах суровый партизан идеологического фронта. На тонкостях и нюансах возмужания всеми нами любимой партии в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Скажу по секрету, при желании на этой теме засыпать можно любого! Даже меня, не побоюсь этого позорного признания.

Загнанный в угол Сан-Саныч все же решился использовать мой «козырь», да только угрюмый инструктор культпропотдела даже бровью не повел на «хайповую» фишку – или не слышал еще про новомодный термин, или... Козет был уже заранее приговорен. Обречен на заклание, аки агнец невинный. «Режу каждого второго», – помните? Тупой и беспощадный принцип аксакала идеологической юрты. Неумолимая децимация бойцов с поправкой на обстоятельства современной цивилизации.

Короче, не видать Сан-Санычу премии, как собственных ушей. И неделя сроку на передачу зачета. Без надежды на благополучное разрешение этой проблемы. Если только...

– Сергей Владимирович, – обратился я к Шефу, – какие у вас ассоциации вызывает факт убийства домашних животных после зверского уничтожения хозяев?

– Услышал про резню в Камышлах? – в секунду расшифровал меня начальник. – Откуда?

– Старушки судачили в больнице.

– Старушки? Любопытно. И двух месяцев не прошло, а уже... судачат.

– Я удивляюсь, почему вообще весь город на ушах не стоит.

– Потому и не стоит, – многозначительно поджал губы начальник. – Вовремя меры приняты. Только, я смотрю, у некоторых память девичья. Не по годам...

– Засекретили, что ли?

– А ты как думал?

– Да ничего я и не думал. Просто странно – как такое можно засекретить? Всю деревню на подписку?

– А что, думаешь, сложно?

– Да, действительно, чегой-то я... и все же... про собаку. Вы как-то ушли от темы.

– А что собака? Между прочим, если бы ее подозреваемый не зарубил, то и следов бы не было. А так – кровавый проспект от дома до дома. И в конце цепочки отпечатков – валенки на крыльце, прямо перед дверью. А на них – кровь и собаки, и всех остальных жертв. И топор рядышком, к стеночке приставленный.

– А разве топор не в руках у убийцы нашли?

– Тоже старушки напели?

– Ну да. Чего-то я не подумал. Недооценил глубину творческой фантазии пенсионеров. Точнее... переоценил.

– Топор аккуратно прислонили к стенке около дверного откоса.

– Аккуратно? – Я внимательно посмотрел на Шефа, ни на секунду не подозревая его в наивности.

Глаз он не отвел. Гляделок своих, наглых и бесстыжих.

– Это не наше дело, – буркнул Сергей Владимирович, раздражаясь неизвестно на что, – и подозреваемый... найден уже.

– Долго искали? Не запарились?

– Чего ты от меня хочешь? – вспыхнул все-таки начальник. – Чтобы я дело взял? А где тут угроза государственной безопасности? Не скажешь?

Вообще-то он у нас выдержанный мужчина. С холодной головой и... слегка подогретым сердцем. И руки... моет часто. И ноги... наверное.

– Я хочу понять, что меня беспокоит по поводу этой собаки. Кроме того, что ее специально зарубили для фальсификации следов.

– Наглец ты, – устало вздохнул Шеф. – Упрямый и настырный. Скачешь опять впереди паровоза.

– На том и стоим... вернее, скачем.

– Между прочим, с фальсификацией следов ты озвучиваешь одну из версий, как неоспоримый и состоявшийся факт. А это, драгоценный ты мой, непрофессионально как минимум.

– Знаю. Только ничего поделать с собой не могу.

– А вообще... убивать живность вместе с хозяевами – это бандеровские прихватки. Со времен войны...

Есть!

Вот что меня мучило.

Ай, молодец начальник. Шевельнул в моей голове самый нужный камушек. Да так, что плотина рухнула и меня прорвало.

И я ему все вывалил. Сбивчиво и сумбурно, не успевая за собственной мыслью, – так много информации поперло из кладовых памяти.

Историк я или нет?

Их называли «шүцманы» – полицаи охранных команд.

Шуцманшафт, шүма, шума-батальоны СД, набираемые из представителей населения оккупированных территорий. Или из военнопленных солдат Красной армии, если те не евреи, не цыгане и не коммунисты. Только пленные красноармейцы очень редко шли в полицаи, большинство из них предпочитало трагическую долю узников лагерей смерти. Предателями становились единицы.

Основной состав шума-батальонов был представлен из «местных кадров». Большею частью из уголовников всех мастей, бандитов, дезертиров, просто отбросов общества – подонков или паталогических садистов. В полицаи шли целые подразделения украинских националистов, готовые убивать все живое, не укладывающееся в идею «видродження Украинской державы». На конкурентной основе с украинцами в полицаи рвались и «аковцы», бойцы польской подпольной «Армии Крайовой», коварно предполагая когда-нибудь, рано или поздно, развернуть оружие против своих же новоявленных хозяев. Только все их «селяковские хитрости» для немцев были шиты белыми нитками. Они просто цинично стравливали периодически своих хитромудрых подопечных друг с другом, тем самым обезопасив себя от предательства со стороны собственных ненадежных помощников.

«Аскари» – так их называли брезгливые арийцы. Это означает «туземные солдаты», а туземцам доверять можно лишь грязные и второстепенные задачи.

Карательные, например. Чтобы самим не мараться.

Тем более что убийство гражданских лиц, как было принято считать командованием вермахта, пагубно влияет на боевой дух немецкого воинства. А убивать, как завещал любимый фюрер, хошь не хошь, а надо...

Твари!

Вот и поручали цивилизованные европейцы грязную миссию диким и недалеким аборигенам – малоросы жгли польские Кресы, а поляки стирали с лица земли украинские хутора. Хотя... разные были варианты. Трудно, что ли, облапошить этих тупых и кровожадных «аскари»? Главное – «разделяй и властвуй». Украинцы, к слову, в этом сатанинском соревно-

вании преуспели больше, как ни крути. Настрадались в свое время от польских «осаднюков»... да и силы враждующих сторон не были равными. Впрочем, речь пока не об этом.

Вот за что зацепилась моя память: собак, именно собак уничтожали шуцманы во время карательных зачисток неблагонадежных сел и деревень. Причем убивали их уже после ликвидации гражданского населения – всю домашнюю живность, скот, птицу, все, что не могли забрать с собой. «Що не з'їм, то понадкушую» – помните? Старательно сводили на нет все живое, что находили во дворе. Зачем? Трудно сказать. Как вариант – полицаи, «аскари», пытались приобщиться, так сказать, к немецкой пунктуальности. Старались подражать своим педантичным хозяевам. С целью получения дополнительных бонусов одобрения от господина. Сказано им было «зачистить» населенный пункт – вот и «зачищали»... всех, без конкретики и разбору.

А поскольку, как правило, во время совместных карательных операций немцы полицаям выдавали только по одному боевому патрону, уж не знаю по каким таким своим соображениям, «зачистка» осуществлялась исключительно холодным оружием. Штыками, ножами и прикладами. Топорами, как вариант...

Происходил этот кошмар приблизительно так. Группа карателей врывается в дома и выгоняла людей на улицу – взрослых, детей, стариков. Всех, кто мог передвигаться. Там их конвоировали до центральной площади, где и планировалась основная расправа, – или сами немцы методично всех расстреливали из пулеметов, или шуцманы сжигали людей в амбарах. В целях экономии боеприпасов.

Вторая группа, состоящая уже полностью из коллаборационистов, проходила следом за первой – выгоняла скот на улицу и отправляла его туда, куда укажут немецкие интенданты.

А вот третья группа, в которую почему-то стремились самые отъявленные отморозки, производила окончательную зачистку населенного пункта. Нелюди демонстративно жестоко расправлялись с уцелевшими людьми, если таковые находились. Это или обездвиженные старики, или лежащие больные, или те, кто наивно попытался спрятаться от расправы. Потом грабили имущество и поджигали дома. Прибыльная была операция, всегда с наваром. И чистоплюев в третьей группе не держали, в отличие от «скотоводов». У всех были руки в крови. По ноздри.

Именно эта группа палачей и убивала оставшихся в живых собак.

Тем более что эти животные во времена войны стали огромной редкостью. Роскошью, которую необходимо было стереть в прах, как и всех живущих рядом.

Надпись на нарукавной повязке полицай – «TREU TAPFER GEHORSAM»: «Верный, храбрый, послушный». Так и убивали – верно, храбро и послушно. Не тратя патронов и эмоций.

Страшный расклад.

И страшные дела, которым, на мой взгляд, нет прощения.

Без учета срока давности и мнений современных «примирителей».

Сергей Владимирович все это внимательно выслушал, ни разу меня не перебив.

Сомневаюсь, что в моих словах он почерпнул для себя что-то новое. Все эти чудовищные факты общеизвестны, задокументированы и среди здравомыслящих людей сомнению не подлежат. По крайней мере, в середине семидесятых, покуда живы еще непосредственные очевидцы, несостоявшиеся жертвы и чудом уцелевшие свидетели цивилизованного европейского зверства.

– А какой возраст у того пьяницы, подозреваемого в убийстве? – спросил я Пятого, смутно ощущая реальную значимость выбранного направления мысли. – Он войну застал в сознательном возрасте?

Начальник пару секунд задумчиво побарабанил по столешнице пальцами. Будто возвращаясь из ему одному известных далей.

– В сознательном, – подтвердил он. – Вполне мог быть полицаем. Правда, очень юным, лет шестнадцать ему было всего в сорок втором, но...

Да-да, знаю.

Эту тему в советской идеологии предпочитали замалчивать.

Дабы не разжигать лишний раз межнациональной неприязни между братскими народами. Среди украинских полицаев действительно было очень много подростков – неоперившихся, легко поддающихся психологической обработке и по-юношески яростно цепляющихся за жизнь. И если про погибших молодогвардейцев знала вся страна, про юных «шущманов» знать было совсем не обязательно. Вредно даже...

Что касается моего мнения – такой расклад был в корне ошибочным. Достаточно вспомнить нетленный образ гайдаровского Плохиша, который в качестве антагониста создал неповторимый фон для всеми любимого детского героя – Мальчиша-Кибальчиша.

Без тьмы нет света.

Мир без теней – плоский и невыразительный. Нужны инь и ян. Два независимых и не сводимых друг к другу начала. Что будет, если долго прятать одно от другого? Печальная судьба Советского Союза показывает, что ничего хорошего.

К примеру, на существование в нашей недавней истории бандеровского феномена я обратил свое сознательное внимание только в зрелом возрасте. Раньше как-то отмахивался – мол, несерьезно все это. Исключение из общего правила, подумаешь, пара-другая предателей. Выродки и отщепенцы есть везде.

А на самом деле все оказалось не так однозначно.

Фильм «Государственная граница» помните? Шестая серия, «За порогом Победы». Сцена убийства бандеровцами советского пограничника. В огне, живьем. До оторопи. До жуткого мороза по коже. И после просмотра все стало на свои места, заполнились досадно свербящие лакуны среднего образования. Лишь одно резануло тогда по неокрепшему сознанию: НЕУЖЕЛИ? Больно так резануло, до сукровицы...

Это что, правда? Да не может быть. Это же наши братья! Родные, советские...

И окончательное понимание, словно холодный душ среди теплого благополучного дня: да, правда! Так все это и было. И от этой правды заботливо нас защищало наше собственное государство. Трудно сказать, правильно оно делало или нет. Наверное, нет. Потому что чуть позже очень многие оказались не готовы к возвращению в реальность средневекового варварства...

И в числе современных приверженцев зла вновь оказались... пацаны и девчонки. С жидкими мозгами, не оформившейся психикой и яростным стремлением к сытой жизни. К тем самым пресловутым кружевным трусикам, на пути к которым опять подвернулись, как учили патриархи национализма, жида, цыгане и москаля...

А мы все это легкомысленно... просрочили.

Опоздали, короче.

Поздно врубилась в эту тяжелую тему. Потому, наверное, что лечили симптомы, а не причины. Сняли нужное кино лишь в восьмидесятых, перед самым крахом братского Союза. А такие фильмы снимать нужно было раньше лет на двадцать! И крутить их ежеквартально, ежемесячно, ежедневно. Напоминать, разъяснять и комментировать. И вбивать правильные выводы в растущие головы акселератов, которые так и норовили крутануться в сторону заманчивых «Битлов» и мятного «Ригли Сперминта».

М-да.

– ...Но только он всю войну просидел в Ташкенте, в детском доме, – закончил свою мысль Сергей Владимирович.

Чего?

Кажется, я отвлекся.

– Кто просидел?

Шеф коротко глянул в мою сторону с легким налетом недоумения.

– А! – вспомнил я нить разговора. – Подозреваемый?

Начальник, не отвечая, разглядывал меня со слегка улавливаемым скепсисом.

Ах, так? Изволим свысока к сотруднику относиться?

– Знаете что, Сергей Владимирович? Попробуйте проверить – был ли погибший старик причастен к партизанскому движению. Не просто к службе в армии или к какому-нибудь «трудо-
вому фронту», а именно к партизанам!

Скепсиса поубавилось. Даже мелькнула искорка заинтересованности.

– Я вам так скажу, – продолжал я умничать. – Если зарубленный дед – партизан, концы нужно искать среди фашистских прихвостней. Бывших, разумеется, и тщательно сегодня замаскированных. Легализовавшихся в нашем времени. Их еще «недобитками» в нашей прессе называют...

Жалкая попытка подколоть начальника.

Он даже ухом не повел. «Аквила нон каптат мускас» – «Мух орел ловить не станет».

Тем не менее коли уж пошел «высокий штиль» – жребий брошен, господа-товарищи! «Алеа якта эст». И назад дороги нет – Шеф явно заинтересовался этим делом. Определенно! Знаю я это задумчивое выражение физиономии и бессознательное постукивание пальцами по крышке стола.

Принято. «Пробатум эст».

Глава 5

Педагогические дискуссии

Прошлым летом отцу выделили новенькую двухкомнатную квартиру, и семья, собрав нажитое, переехала жить ближе к центру. Помню, как впервые услышал от родни сожаления о том, что мы с братом Василием «однополые». Словечко же нашли! Лет эдак через тридцать этот термин, к сожалению, потеряет жилищно-коммунальный подтекст и вознесется... в глубины европейско-тоталитарной риторики.

А пока... ну, однополые, чего уж тут греха таить. Виноваты. Поэтому и «двушка» нам досталась, а не «трешка». Но все равно. Своя Квартира!

Это же непередаваемые ощущения. Полная перезагрузка и переоценка всего, что еще можно переоценить. И состояние перманентного праздника, лишь перетекающего плавно из одной формы в другую. Можно за очень многое ругать Советский Союз, но его жилищная политика по отношению к простым смертным достойна уважения!

Вот, к примеру, наша семья: отец – строитель, мать – медсестра. Через год отцу в его стройтресте дали малосемейку в двухэтажке барачного типа, с подселением. Не дворец, но и не шалаш какой – по молодости лет жить можно. А вот еще через пять лет – нате вам подарочек: отдельная квартира! Как говорится, «без аннексий и контрибуций». В смысле, нет тебе ни рассрочки, ни ипотеки, никакой другой замаскированной кабалы.

Просто получай и пользуйся. За так! Бесплатный кусок государственного пирога. Тот самый, из которого нехорошие люди в девяностые годы походя сделают банальный предмет торга, спекуляции и всяких прочих темных махинаций. Причем сделают это, активно оплевывая без всякого зазрения совести тот самый социалистический строй, который и подарил им безвозмездно сей предмет экспресс-обогащения.

Снимаю шляпу перед Союзом. И другим рекомендую. Тем, кто множит ряды неутолимых злопыхателей и упоротых критиканов. И кто наверняка вякнет очередной раз: «У-у! Шесть лет ждать! Это же целая вечность!»

Компетентно заявляю – в самый раз!

Нужный срок именно для того, чтобы ребенок вырос для самостоятельных эмоций и долговременного формирования памяти. Одно дело впервые осознать себя в уже полученной квартире, а другое – пережить новоселье лично.

Это что-то!

В течение двух недель после получения ордера мы всей семьей ежедневно ходили к новой квартире... «в гости». Вдыхали, зажмурившись от наслаждения, едкий запах алебаstra и новенького линолеума, по десять раз на дню отмывали окна, полы, стены на кухне, выкрашенные ужасной темно-синей масляной краской. Зато практично! Мама нарезала из бумаги трафаретов и кусочком поролона набила на стенах желтые грибочки, красные орешки и что-то похожее на листья конопли жизнерадостно-салатового цвета. Подразумевался клен, кто не догоняет. Сложно утверждать, что кухня перестала кошмарить воображение, но стало веселее – это уж точно!

Вообще мама получила новое перерождение.

И все семейство теперь должно было жить по-новому. Папе запрещалось покуривать во время праздников. Ну, когда он немножко выпьет. И, кстати, это самое алкогольное «немножко» тоже укорачивалось как минимум вдвое. Василию было объявлено, что пока он не выучит наконец чего-нибудь из Маршака, в новую квартиру не переедет. Можно подумать, останется на старой, с тараканами. Ну а на мою долю... досталось больше всего инноваций. Я бы сказал, иррационально много!

Дело в том, что доброй улыбкой судьбы после переезда на новую квартиру оказалось расположение школы – непосредственно около нашего нового дома. Пятнадцать метров от торца здания до школьного забора! Кому из детей такое счастье в жизни еще достается? Единицам!

Увы, мне такое счастье тоже не досталось. В элитный клуб тех самых «единиц» попасть мне не довелось. Потому что меня отдали... в другую школу!

У нас же теперь все по-новому!

И обычная школа, разумеется, хлипковато выглядит. Нам подавай лучшую, ту, которая в самом центре. И до которой шкандыбать, извиняюсь, пешкодралом минут двадцать по горам да по долам. И как выяснилось, не все так благостно при нашем любимом социализме, как этого хотелось бы.

Особенно в этих элитных школах...

– Почему «четверка»? – Набывчившись, я угрюмо рассматривал руководительницу продленного дня.

– Караваев! Это что за тон? Ты что себе позволяешь?

– Я позволяю себе вежливо вас спрашивать – за что вы мне поставили четыре балла? Я это упражнение полчаса переписывал. И задания там всякие выполнял – типа суффикс правильный поставить, окончание. Смотрите – два тетрадных листа. Четыре страницы без малого! И за что вы мне балл сняли? Где тут ошибки? Что-то не вижу красных пометок!

На «продленку» я остался в первый раз.

Судя по разгорающемуся скандалу, надо полагать, что и в последний. Специально же проявил инициативу на свою голову! Просто надо было покопаться в школьной библиотеке, глянуть, что там пишут советские мемуаристы про партизанское движение в Крыму. Тут есть шикарные подшивки местной прессы, с сорок четвертого года! А еще, я вам скажу, прелюбопытные книжечки порой можно откопать в завалах социалистической документалистики. Бывает так, что автора запретили, а библиотекарь в силу своей нерадивости или по каким другим соображениям крамолы из своего фонда не изъял. И проверить некому. Парадокс: кто склонен к стукачеству, книг читать не любит и в библиотеки не ходит. И наоборот. Среди искренних любителей литературы гнид попадает катастрофически мало. Поэтому такие жемчужины порой попадают в заштатных библиотеках – закачаешься!

А в нашей школе библиотека даже и не «заштатная». Элитная! Только работает почему-то исключительно после обеда, когда большинство детей уже дома. Чтобы попасть в этот литературно-публицистический рай, надо остаться в группе продленного дня. А чтобы выйти из класса продленки, надо обязательно сделать домашку и сдать ее дежурной учительнице. А та должна выставить оценку и решить, достоин ли школьник по своим морально-деловым качествам расслабляться в библиотеке.

Вас еще не тошнит от перечисления этих тупых и бессмысленных правил? Квест, да и только.

Зато элитная, блин, школа!

Ну, если честно, я еще и рисануться решил – мне типа ваша домашка... как слону дробина. Кто запомнил – мне вообще-то пятьдесят два года. И это мое умудренное сознание сидит в оболочке восьмилетнего школьника. Такое вот фантастическое стечение обстоятельств. И я, на секундочку, сам – учитель истории. Я что, с домашним заданием второклассника не справлюсь?

Справился.

Причем раньше всех.

И тут же схватил четыре балла.

– За что?

– Это что за вопросы? Я шо, должна отчитываться перед тобой, чи шо?

Попер суржик у нашей «элитной» матроны. Это она так злится.

– Естественно! Я – ученик, вы – учительница. Так и учите меня! Где я ошибся? В каком конкретно месте?

– Что-то ты больно умный, я погляжу.

– Видимо, не совсем. Всего лишь на «четверку». А хочу быть умным на все «пять»!

Вот оно мне надо?

Все! Дорога в библиотеку уже открыта. Иди ищи, чего хотел. Так нет же, принципиальный ты наш. За живое задела коллега?

– Ну, давай, шо там у тебя? – возмущенно вибрируя избыточными килограммами, протянула педагог в мою сторону пухлую ручку.

Снисходительно так протянула. Одолжение великое сделала.

– Вот, упражнение по русскому. Ни одной ошибки. И ваша оценка – «четыре». Ни пометок, ни подчеркиваний. Как это понимать?

– Ну, так... ось же! Как это... А! Почерк у тебя неаккуратный. Пишешь, как курка лапой. Почему у «д» хвостик вверх, а не вниз? И шо це за завитушки на заглавных? Не положено!

– Чего-чего?

– Это шо еще за «чего-чего», Караваев? А ну, неси сюда свой дневник!

– Пу-уфф.

О сколько... «нам открытий чудных готовит просвещения дух...».

И сколько... у меня эмоций вертится сейчас на острие языка! Тайфун. Бешеный и все сметающий на своем пути торнадо! И... нельзя.

Спокойно, дедушка, нервные клетки не восстанавливаются.

– Ладно, фу-ух, согласен на «четверку»... проехали.

– Неси дневник, я сказала!

– Да пода... В смысле, да пожалуйста, я хотел сказать.

– Ты смотри какой! Кухаркин сын, а туда же!

Кухаркин сын?

Ах, вон оно в чем дело!

Я и забыл совсем. Мы же элитные здесь все. До самой распоследней швабры в кладовке у технички. А тут – нате, сын сварщика и медсестры. Выперлось недоразумение. Мне просто по рангу отличная оценка не положена.

Ах ты... аристократия помоечная! Ну, держись!

– Агриппина Васильевна!

– Ничего не хочу слышать. Дневник, я сказала! И родителей в школу!! Завтра же!!!

Вот ее понесло-то.

Еще и специально себя накручивает для убедительности. Ведь чувствует же сама, что объективно не права, поэтому и пытается добить руины своей покореженной совести какой-то приклатненной истерикой.

Попробуем все же обратиться к обломкам здравого смысла.

– Дневник, конечно, дело хорошее, – произнес я вкрадчиво, – только вы ведь там ничего писать не станете. Сами не захотите.

– Это... почему это?

– А какой смысл вам премии лишаться? – понизил я голос так, чтобы остальной классный планктон, лениво прислушивающийся к нашим разборкам, ничего не услышал. – Да сами посудите, Агриппина Васильевна: начало полугодия, показатели у школы в городском соревновании лидирующие. Тут давеча совещание было в Гороно, ну, по поводу Ленинских зачетов, так NN лично отметил нашего директора, как ведущего педагога в вопросах воспитания подрастающего поколения (случайно узнал от Шефа, а может, он и намеренно подкинул мне эту

информацию, зная, в каком гадюшнике мне приходится обитать). Теперь подумайте – откуда я это знаю?

– Мм...

– Почти угадали. И еще подумайте, нужен ли директору небольшой, но очень вонючий скандал, который благодаря связям моих родителей в городской администрации нам очень легко организовать. При желании. На тему предвзятого отношения отдельно взятого педагога к детям из рабочих семей. Не верите? Так это очень просто проверить. Нести дневник?

Вот так и надо. Клином клин...

И если сейчас учительница возмутится, одернет зарвавшегося ученика, я только порадуясь. Уважать даже начну. Не все, значит, еще потеряно в душе и мозгах педобюрократа.

Только... увы. Внешние признаки говорят об обратном.

Да у нее сейчас глаза наружу выскочат! Как рыба на суше хлопает губами, не издавая при этом ни единого звука. Потому что прозвучало священное слово «связи». И любая ее реакция в данном контексте – заведомо проигрышная. Откуда она знает, какой «блат» у этого не по годам борзого школьника? И как он вообще попал в эту «крутую» школу? Здесь риск равен поражению, против лома нет приема. Легче изображать возмущенную немую рыбу сколь угодно продолжительное время. Целее будешь...

Я понаблюдал за ее эволюциями еще секунд пятнадцать, потом медленно развернулся и солидно, как будто так и задумывалось, прошагал к выходу из класса.

Не прошла тетя тестовой проверки, не прошла. Оценка – «неуд».

– А почерк, если честно, у меня и правда корявенький, – признался я напоследок.

Сжалился.

Прежде чем нагло и демонстративно закрыть за собою дверь.

Глава 6

Принцесса Диана

Не прогадал я с библиотекой.

А школьное идеологическое сито в наших анналах действительно оказалось с прорехой. Недоглядели ответственные лица старую подшивку газет «Красный Крым». Точнее, ее вообще, кажется, никто не смотрел. По крайней мере, последние лет десять точно, вот и проскользнула неоднозначная статейка...

Добрая пожилая библиотечарша Вера Семеновна, услышав мою просьбу «полистать старинные газеты», глянула на меня как на подрастающего марсианина, но тем не менее беспркословно почала куда-то в глубины книжного хранилища, откуда через какие-то полчаса (подумаешь, нетрудно и подождать) выволокла на свет божий пыльные пласты пожелтевшей послевоенной прессы.

И еще минут через тридцать я обнаружил то, чего, как правило, в советских газетах не печатают. А если случайно редактор и пропустит что-либо подобное, то ему кое-кто всегда укажет своевременно на «нарушительство безобразий». Если сам, конечно, не закрутится в дикой карусели невидимого фронта в борьбе за чистоту священной идеи.

В данном случае, видимо, так и получилось. А потом еще и осело в школьной библиотеке. О, пардон! В элитной школьной библиотеке. Что, к счастью, ее не сильно-то и испортило...

В одной из майских газет 1944 года среди бравурных победных статей и репортажей с фронта на самой последней странице затерялась коротенькая заметка под названием «С фашистской жестокостью». Всего пара абзацев. И там, с характерным для того времени наивным пафосом, черным по желтому: «...Зверски зарублена семья из пяти человек... не люди в человеческом обличье... с фашистской жестокостью...» – и так далее. Но самое главное: «... В иступлении кровавого пароксизма преступник, уходя со двора, зарубил даже собаку, которая от собственной старости, а может, и от грохота прокатившейся по городу войны давно уже стала глухой, слепой и совершенно безобидной...» Во как! И «грохот войны» здесь. Куда же без него? Можно даже восхититься и даже умилиться высокопарным слогом неизвестного собора, если бы не ужас описываемых событий.

А ведь это уже почерком пахнет.

Надо срочно озадачить начальника, чтобы взрыл землю в этом направлении. Точнее, поставил соответствующую задачу тем, кто рыть умеет, – не чета мне, вахлаку!

А ведь я что-то подобное и хотел найти, как чувствовал.

Откуда?

Опять мистика?

Еще ничего толком не сдвинулось с мертвой точки, а мне как будто кто-то сзади по лямкам нахлестывает – да, да, оно! Давай, не тормози, двигай в этом направлении!

Тьфу-тьфу-тьфу. Чур меня!

Хорошо, что я не верующий. А то надумал бы уже себе какой-нибудь чертовщины.

Просто интуиция. Да привычка чуть что лезть в библиотеку – детская, между прочим, привычка. Мамой вбитая, еще до школы, вот за что ей спасибо так спасибо!

Значит, так. Я вновь зашуршал газетами.

Издание от четырнадцатого мая. Что еще? Есть улица! Корреспондент совсем нюх потерял, да и понятно – эйфория, месяц как город освободили. Запомнил про тайну следствия. Или не знал. Улица Эстонская. Что-то не помню, где это...

А, блин! Так это же не здесь. Это Симферополь, столица Крыма! От нас километров семьдесят на север. Я даже там учился когда-то... в будущем. Да, что-то там такое эстонское есть среди улиц. В центре, кажется. Найдем. Вытянем все, что можно...

– Караваев!

Я аж подпрыгнул от неожиданности.

Калмыков Димка, одноклассник. Подкрался сзади и гаркнул мне прямо в ухо.

И лыбится!

– Ты чего орешь, – зашипел я возмущенно, – на стадионе горланить будешь! Не учили, как в библиотеке себя вести нужно?

А сам покосился на милейшую Веру Семеновну, которая, как ни в чем не бывало, снисходительно улыбалась нам, близоруко поглядывая на безоблачный для нее мир поверх старинных очков, круглых, как у черепахи Тортилы. Или все же как у Базилио? Да, блин, какая разница? Опять ребенок в мозгах зашевелился? Эй, Тортила! Почему замечание не делаем этому крикуну?

– Тебя Грипповина ищет, – все же убавил громкость одноклассник, – меня послала, чтоб позвал.

Я вздохнул. Чего ей еще от меня надо?

С трудом удержавшись от желания тут же выдрать из подшивки нужную газету, я нехотя встал из-за стола.

– Идем. Вера Семеновна! Можно пока все это полежит здесь? Я вернусь скоро.

Та добродушно замахала в ответ. Иди, мол, не беспокойся, «ах, была как Буратино я когда-то молода...».

Я непроизвольно хмыкнул и саданул легонько Димку промеж лопаток, направляя его к выходу из библиотеки.

– Ну что, друг степей, и часа не могут без меня прожить? Чего там у вас стряслось?

– Там капец, – в два слова обрисовал диспозицию Калмык. И добавил лаконично: – Полная хана!

Хоть Димка и считается русским, но широкие скулы и раскосые глаза без вариантов обеспечивают его полное соответствие собственной фамилии. Затесался какой-то кочевник среди прадедов, ох, затесался! А то и не один...

– Слышь, Демосфен ты наш красноречивый, а поподробнее можно? Чего мычишь да телишься?

– Директриса, – выдал Калмык главное, на его взгляд, и молча запыхтел вверх по лестничному маршу.

– Димка, зараза! – взмолился я, догоняя. – Чего «директриса»? При чем тут «директриса»? Ты внятно можешь все объяснить?

– Завуч, – отмерил еще каплю истины восточный оратор и, сжалившись, добавил: – И вожатая пионерская, и тетка еще какая-то. Пойдем, сам увидишь...

Ничего себе!

И все это высокое собрание по мою душу? Странно. Агриппина постаралась? Да вряд ли. Труслива и безынициативна. Напакастить исподтишка – это милое дело, а вот чтобы так, демонстративно и монументально...

– Все, пришли. Заходи давай...

Мне аж смешно стало. А чего Калмык первым-то не идет? Струсил, что ли? Ему-то чего киксовать?

– В сторону, кочевник...

Я тихонько приоткрыл дверь класса и... замер от неожиданности на пороге.

Действительно... впечатляет.

Руководитель продленки, незабвенная наша Агриппина Васильевна, по-свойски именуемая Калмыком Грипповиной, вытянулась по стойке «смирно» перед классной доской, будто урок не выучила. Учительский стол оккупировала завуч, тучная неприятная женщина со скандальным характером и соответствующим выражением на полном лице. Директриса, пожилая перманентная блондинка, круглая и невысокая, меряла кабинет класса своими коротенькими ножками между рядами столов, заложив руки за спину. На первой парте монументально восседала великовозрастная дивчина с некрасивым лицом и громадным красным галстуком на впалой груди – председатель школьной дружины, словно первоклашка, примерно сложила ручки перед собой и как флюгер вертела головой, отслеживая хаотичные перемещения директрисы. Калмык еще не упомянул о присутствии в почтенном обществе методиста, вечно забеганной мышеобразной пожилой девы, и учителя истории, вальяжного отставника, бывшего замначальника политотдела флота.

Но вся эта беспокойная и нетерпеливая вселенная явно вращалась вокруг на первый взгляд непримечательной дамочки, стоявшей в стороне у окна спиной к присутствующим.

Я аккуратно прикрыл за собою дверь, неосторожно щелкнув при этом замком.

– Караваев!

И вся корабельная батарея моментально развернула свои башни в сторону моего утлого суденышка. Мне захотелось зажмуриться и перекреститься. К тому, что я не верующий. Или... уже стал?

Женщина возле окна стала медленно поворачиваться. Высокая, загорелая, с изящной короткой стрижкой, в тонких очках с темно-коричневыми стеклами, одетая в какое-то замысловатое черное платье с двумя рядами позолоченных пуговиц, широким белым воротником с отворотом и такими же белыми манжетами на коротких рукавах до локтя. Мне почему-то бросились в глаза массивные золотые часы на правой руке, чудесным образом гармонирующие с пуговицами и сережками-клипсами. Они все были одинаковыми! В смысле – орнамент, резьба, цвет металла, ну вы поняли. Стильно и продуманно.

Женщина молча меня рассматривала.

После озвучивания моей фамилии никто больше не произнес ни слова. Да и «каравайкнула» завуч скорее спонтанно, чем осознанно. Что называется, «что увижу, то спою». Великого ума женщина.

Дамочка у окна явно рулила ситуацией. На ментальном уровне!

И она... как бы это выразиться... чем-то выгодно отличалась от присутствующего педагогического персонала. Вот, скажем, директриса была одета в очень дорогой импортный костюм из твида, а на завуче блестело с полвитрины ювелирного магазина с Большой Морской. Историк был в шикарной «тройке» с претензией. Даже пионерка с методисткой были прикинуты в соответствии с «элитным» статусом заведения, но... все это было не то.

Почему-то на ум приходила ассоциация кавалерийских седел, легкомысленно накинутах на коровьи спины. И рядом – шикарная арабская кобылица в неброской черно-белой попоне. Ее даже красавицей трудно было назвать – так, просто симпатичная ухоженная тетка. А вот... масть, порода – явно другие. Кого она мне напоминала? Что-то смутно-знакомое. Далекое и важное. Словно... принцесса Диана?

– Диана Сергеевна, – вежливо представилась дамочка, – заведующая методическим отделом гороно. Здравствуй, Витя.

– Здравсте, – буркнул я угрюмо, не понимая, что происходит и как себя нужно вести.

– Вот ты какой! – улыбнулась Диана Сергеевна. – Наслышана. Много наслышана.

Я пожал плечами. Что за ерунда? Кем-кем, а знаменитостью я пока еще не стал.

– Спасибо, товарищи, что проводили, что показали мне тут все. Я с Витей сама побеседую.

Все педагоги как по мановению волшебной палочки встали, дружно сделали озабоченные лица и гуськом потянулись к выходу.

– Может быть... ко мне в кабинет? – предложила директриса, зачем-то теребя себя за дорогой рукав твидового пиджака.

– Нет-нет, спасибо. Нам будет здесь удобно.

– Дети! Продленный день закончен, – вышла из оцепенения Грипповина. – Все встали, собрали тетради, учебники. Ручки не забываем! Ничего не забываем. Выходим-выходим, потопитесь.

– Не нужно торопиться, Агриппина Васильевна, время есть.

– Не торопимся, дети. Не толкаемся. Калмыков! Ты чего рот раскрыл? Марш на выход. Черешня! Хохулина, что у тебя на парте осталось? Яковенко!

Я прошел вперед и не торопясь, как и завещали любимые руководители, уселся за первую парту. Там, где пламенным задом нашего пионерского светила уже было для меня нагрето соответствующее место.

Большое городское начальство с улыбкой наблюдало за моими передвижениями и терпеливо ждало, пока не освободится класс. Точнее, пока его не очистит от посторонних лиц потеющая от избытка рвения Грипповина, откровенно сдерживающая себя от жгучего желания раздать порцию-другую ускоряющих пинков особо нерасторопным организмам.

Наконец дверь за всеми закрылась.

В классе повисла звонкая тишина, особо выразительная после только что стоявшего гвалта. Диана Сергеевна вновь зачем-то улыбнулась.

– Ты меня не узнаешь, Витя?

Вообще-то... я с первой секунды почувствовал, что где-то ее раньше видел. Только... образ английской принцессы, так рано от нас ушедшей, не давал мне собрать собственные мысли в кучу.

Я пожал плечами.

– А что, должен?

– Да нет, не обязательно. Я... была у вас в четырнадцатой школе, на первом звонке. Ты стихотворение читал на линейке. «Первый класс, первый класс, есть учебники у нас». Помнишь?

– Стихотворение... помню. Вас – не очень.

В сентябре полтора года назад мое взрослое сорокадевятилетнее сознание из две тысячи пятнадцатого перелетело в тысяча девятьсот семьдесят третий год и вселилось в это детское тело. В мое собственное семилетнее тело, отодвинув в сторону детские мозги и память. Но эта фантастическая метаморфоза произошла в середине месяца! А от того, что было на школьной линейке первого сентября, меня, получается, отделяет не полтора года, а... полвека с лишним. Немудрено запомнить...

– Не страшно, – вновь улыбнулась женщина. – Время прошло. И забыть меня... немудрено. Тоже... почти стихи...

Я вылупил на эту странную женщину, угадавшую мои мысли. Все-таки чертовски приятно смотреть на ее улыбку. Она у нее, как и одежда с бижутерией... стильная, что ли. И... так все-таки знаю я ее или не знаю? Какое-то саднящее душу беспокойство звенит внутри...

– Вам про меня чего-то там рассказывали, – напомнил я, решив перейти к конкретике. – Мол, наслышаны вы...

– Да-да. Рассказывал... кое-кто. Впрочем, давай о самом важном, – поняла меня женщина. – У меня для тебя, Витя, есть очень приятная и совершенно необычная новость. Такая, что может повернуть в лучшую сторону жизнь любого советского школьника. Думаю, и ты не исключение.

– Я заинтригован, – вырвалось у меня нечаянно.

По лицу моей необычной собеседницы мелькнуло легкое недоумение. Недоумение и... интерес.

– Это хорошо, – рассеянно произнесла она. Пару секунд еще что-то прикидывала у себя в голове и наконец выдала: – Значит, так. Дело заключается в том, что нашему отделу образования случайным образом достались два места по программе международного совместного обучения. Есть такое движение в странах Совета экономической взаимопомощи. Из вашего класса два ребенка поедут учиться... ты не поверишь... в ГДР. В Германскую Демократическую Республику! И комиссия выбрала именно тебя. Тебя и твою одноклассницу, Свету Черешню. Представляешь? Правда, здорово?

– Ап... А почему меня? – проблеял я, огорошенный действительно невообразимой новостью. И перспективами...

– Педагоги определили, – безапелляционно заявила Диана Сергеевна. – Тебя – как успевающего по всем школьным дисциплинам, Светлану – как кандидата в мастера спорта по акробатике. В девять лет!

– Я ведь... хорошист всего-навсего.

– Это не так важно, – вновь улыбнулась красавица педагогического фронта, – ты слышал такое слово – «потенциал»?

– Угу.

– Судя по отзывам твоих учителей, потенциал у тебя огромный.

– А... каких именно учителей?

Опять легкое недоумение во взгляде.

– Витя, почему-то у меня складывается впечатление, что ты и не рад вовсе. Ты вообще понимаешь, что тебе предлагают?

– Понимаю. Какие учителя меня хвалят? – уперся я.

Что-то здесь не так.

Легкая тень пробежала по лицу нашей местной принцессы.

– Да все, – заявила она с легким оттенком раздражения. – В чем дело, Витя?

– И Агриппина Васильевна хвалит?

– И Агриппина Васильевна.

А вот тут ты врешь, матушка. Элементарной проверки не выдержала!

Вот чего-то подобного я и ожидал в этой неординарной ситуации. Вроде бы все ровно, гладко – и на тебе, первая явная ложь. Чтобы Грипповина обо мне, о кухаркином сыне, что-нибудь хорошее сказала – ни в жисть. Совравши однажды...

Я внимательно рассматривал эту действительно, без дураков, стильную женщину. Такую же стильную, как и... лживую. И молчал. Если паузу перетянуть, то оппонент по-всякому начнет дергаться. Реагировать.

Как бы не так!

Диана смотрела на меня доброжелательно и... по-матерински снисходительно.

Сколько ей лет? На вид – около тридцати, с поправкой на макияж, дорогой, надо сказать, макияж, – ближе к сорока. И явно огромный, не по годам опыт вести трудную беседу. Да она меня переигрывает!

Я заерзал на стуле.

И слегка разозлился. Неизвестно на что.

– Я не поеду! – неожиданно даже для самого себя в лоб заявил я ей. – Не интересно, знаете ли, мне... с немцами. Язык у них... слух мне режет. Климат опять же прохладный, пища жирная. Да и вообще... дела у меня здесь. Дела!

Тонко подведенные брови изумленно взметнулись вверх.

И нервическое постукивание маникюром по автобусной стекляшке, которой Грипповина замостила свой рабочий стол с целью запихивания под стекло руководящих циркуляров и фотографий котят с бантиками.

– Не поедешь... – повторила она задумчиво. – Дела у тебя... Понимаю.

Легко встала со стула, поправила золотой браслет на руке циферблатом вверх... Не все у нее оказалось идеальным – великоваты часики. Еще раз глянула на меня с непонятным выражением лица. Блин, да я ее точно знаю! Когда не улыбается – вообще где-то рядом. И это платье...

– Мне очень жаль, – сухо произнесла она. – До свидания, Витя.

Она повернулась ко мне спиной и двинулась на выход. Я бы сказал, порхнула. Движения скупые, отточенные, как у балерины.

Эй! А что, уже все? Постойте, а почему это меня никто здесь не уговаривает? Что за дела? Так серьезные вопросы не решают. Может быть, я передумаю?

Странно.

Как будто все остальное в порядке вещей...

– До свидания, – злобно буркнул я ей в спину.

Не больно-то и хотелось.

Уже в дверях она кивнула в ответ, чуть повернув голову в мою сторону.

Задержалась, будто вспомнив что-то важное, и медленно произнесла, четко артикулируя каждое слово:

– Только об одном тебя попрошу, Витя, и это очень важно...

Диана вдруг замолчала, будто не решаясь произнести эту свою «очень важную» просьбу. А может быть, просто накачивала значимости по всем правилам театральной драматургии.

– Я слушаю, – подбодрил я ее. – Очень внимательно слушаю.

Как достало это вездесущее лицедейство!

– Да-да, вот что... – проговорила она рассеянно, будто запятовала, о чем мы говорили. – Оставь бога ради эти свои... ДЕЛА. Вообще все прекрати. Поверь, от этого лучше будет не только тебе – всем... нам.

И исчезла за дверью, не успев, наверное, заметить, как у меня от изумления шары выкапываются из орбит, медленно и неумолимо. Мне показалось, что на бесконечно долгую секунду все вокруг погружается в сумрачную хмарь. В зыбкую и тревожную полутемноту.

Потом эти самые шары дисциплинированно вернулись на свои места, и вновь стало светло. Что, надо сказать, понимания не прибавило.

Оставить дела?

Что это вообще было-то?

Глава 7

Буйство сюрреализма

Есть у меня одно жизненное правило, писанное, как тот военный устав, собственной кровью и... нет, не потом. Скорее юшкой из носа и кровавой слюной из развороченного рта. Если судьба дала тебе под дых, никогда надолго не раскрывай беззащитной «варежки», инстинктивно пытаясь лишний раз вздохнуть недостающего воздуха. Ибо в этот неоднозначный момент именно в этом твоём беспомощном состоянии всегда найдется пара-тройка желающих добавить тебе лишнего вкусного пинка под зад. Народ – он всегда такой, отзывчивый и внимательный. От него ничто не ускользает.

Касается это правило как уличной драки, так и любых других жизненных перипетий.

Сегодня, к примеру, за первым шоком сразу же пришел второй. Когда я и не ждал, вопреки собственным императивам...

Не успев толком осознать, что же это такое было – с загадочной Дианой, я будто бы во сне вернулся в библиотеку и... не обнаружил на месте статьи, которую чуть раньше нашел в газете «Красный Крым» от 14 мая 1944 года. Той самой заметки под названием «С фашистской жестокостью».

Судьба нанесла мне второй удар. Который на поверку оказался еще страшнее, чем иррациональные рекомендации прекрасной сотрудницы городского отдела образования.

Газета была, а СТАТЬИ НЕ БЫЛО!

То есть вообще. На ее месте оказалось продолжение предыдущей заметки о героическом восстановлении города. О том, какие молодцы жители, устраивающие ежедневно субботники по расчистке завалов. Завал! Я тупо разглядывал пожелтевшую от времени бумагу, блеклые строчки типографского текста и... ничего не понимал. Мне что, все это померещилось?

– Вера Семеновна! А кто сюда заходил, пока меня не было?

– Что, Витя?

– Я говорю, кто-нибудь подшивку трогал?

– Так нет. Не трогал никто. Трудовик вот заходил, Афанасий Петрович, денежку спрашивал займы. Но он к столам не подходил. Взял вот у меня рубль и пошел себе... довольный.

Бухать пошел. Наш трудовик стереотипов не ломает.

А что же тогда произошло? Кто подменил газету? Библиотекарша?

Я с подозрением глянул на старушку. Да ладно! С чего бы это ей? И смысл какой? Голову-то мне не подменишь! Число, место, сам факт преступления запомнить нетрудно. Я что, бабочка-однодневка? Упорхнул и забыл? Информацию никуда не денешь. Разве что отправишь ее вместе с головой... в ГДР!

Во как!

– А женщина никакая не заходила, Вера Семеновна? Красивая такая...

– Ни женщины не было, ни мужчины. Какой из трудовика мужчина? Недоразумение одно, прости господи...

Надо было все же выдрать эту чертову газету! Как и хотелось...

Постепенно стало доходить случившееся в полном объеме.

Ничего себе! Получается, кто-то заметил, что я нашел статью, и воспользовался моим пятнадцатиминутным отсутствием для того, чтобы газету изъять, изготовить дубликат, в котором этой заметки уже нет, да еще и состарить его до состояния других газет. Я сдвинул газетный листок и присмотрелся внимательней к структуре бумаги. Да еще и не отличить этот новодел от старых изданий! Как это?

Да не бывает так!

Я все же с треском вырвал газету из подшивки. От души.

– Караваев! – возмущенно вскинулась библиотечка. – Ты что это?

А, черт. Забылся. Некрасиво вышло.

– Я... в музей! – ляпнул я на бегу первое, что пришло в голову. – Сравнить! Там такая же газета. Я верну, уважаемая Тортил... ой, Вера Семеновна. Верну обязательно.

В дверях уже заметил, как старушка беспомощно грозит мне пальцем вслед.

Вот я свинья. Ладно, потом... покаюсь.

Что еще? Блин, портфель же еще в классе! Я поскакал через две ступени на второй этаж. Школа уже обезлюдела. Где-то за поворотом слышно было, как техничка елозит шваброй по мозаике, цепляя деревяшкой бетон через дыры в тряпке. Элитные вы наши! Как свадебные лошади – морда в цветах, а попа, извиняюсь, в... ну, как обычно, как попе и положено.

Лишь бы не закрыли кабинет.

О, слава богу.

Я ворвался в класс и... снова застыл истуканом. День сюрпризов!

– Ой, Караваев. – Грипповина выдернула руки из моего портфеля и зачем-то спрятала их за спиной. – Витя, а... ты портфель ось... в классе забыл.

Ага! Я тоже обратил внимание.

– А вы подождать меня решили? – Я прошел мимо учительницы и демонстративно защелкнул на портфеле оба замка, не забыв сунуть газету внутрь. – Очень мило. Не каждый педагог станет тратить свое личное время из-за одного ученика.

– Шо ты, Витя! В нашей школе... каждый ребенок... он же как родной... как сын... або дочь.

Что это с ней? Что за пурга? Кефиром отравилась? Или суржиком своим?

– Все в порядке, Агриппина Васильевна. Спасибо за заботу. Ушла уже Диана Сергеевна?

– Мм... Какая Диана Сергеевна, Витя?

– То есть как это «какая»? – Я опешил и даже тормознул на выходе из кабинета. – Из гороно. Заместитель начальника, как его, методического отдела.

– Шо ты, Витя! Нет в гороно никакой Дианы Сергеевны. Я знаю начальника отдела, у него в замах вакансия, подбирают человека.

– Что?!

Третий удар. Что здесь происходит вообще?

– Ты устал, Витя. Погано выглядишь. Иди-ка ты до дому. Уже дети разошлись. Завтра напомни мне, я тебе оценку исправлю за домашнее упражнение. Ты молодец. Перспективный...

Они что, решили меня все с ума свести?

– Так! Агриппина Васильевна! – Я шмякнул портфель на столешницу и решительно уселся за парту. – Что здесь происходит?

– Ой. Да я адже хотела... тетрадочку твою знайти у портфэли... оценочку исправить...

– Да нет! Я не об этом. Здесь полчаса назад была женщина в черном платье с белым воротником. Ее все видели – директриса, завуч, историк, пионерка наша великовозрастная! Вы! Вы тоже здесь были. Тут вот перед доской стояли. Дети! Весь класс здесь был, весь второй «Б». Вы что, забыли?

Учительница протянула руку и осторожно пощупала мой лоб.

– Тэмпэратуры начебто нэмае. Нэ було отут нэякои... кхм... посторонней женщины. И директора нэ було, Витя. И историк давно до дому ушел, видразу после обеда. И завуч, и председатель дружины. Шо им делать ось тут на продленке? Дети разошлись уже хвилины сорок, я одного тебе чекала з библиотэки. Ты ж портфэли забув у класи. Ты про шо взагали?

Да уж. Еще немного – и я вообще ее перестану понимать.

Разговор глухого со слепым.

И, кстати, действительно, обычно все учителя расходятся по домам сразу после обеда. Только их и видели! Как здесь оказались директриса с компанией? Часов пять уже было пополудни.

Мне что, все это тоже померещилось?

Я потряс головой. Вот так вот – постоянно спорить со своими внутренними составляющими, взрослой и детской. Виртуальная шизофрения грозит обрести реальные контуры.

Но... Агриппина!

Ведь она же на себя не похожа. Стоит передо мной – сама доброжелательность. Терпеливо ждет, пока «кухаркин сын» сообразит, что здесь такое происходит! А где вопли, крики? Да она вообще не стала бы дожидаться какого-то школьника, забывшего портфель в классе. В лучшем случае швырнула бы все забытое хозяйство в коридор, а то и просто – тупо заперла бы кабинет, а на следующий день еще бы и вздрючила меня за невыученные уроки.

– А в Германию из нашей школы уже никто не едет? – тупо поинтересовался я. – Света Черешня, к примеру...

Агриппина Васильевна сокрушенно покачала головой.

– Иди-ка ты до дому, Витя. Попроси маму, щоб вона тобі чаю з медом заварила. Та пропотей як слид пид ковдрою, грипп зараз ходять. Ноги мокри мабуть?

Грипповина гриппом пугает. По-украински. И потеть советует. Мир сошел с ума.

– Сухие ноги, – развернулся я и зашагал к выходу, – до свидания, Агриппина Васильевна.

– Будь здоровый, Караваев.

Я скатился на первый этаж, схватил сиротливо висевшее в гардеробе пальтишко и выскочил на улицу. Мороз уже отпустил, и остатки снега на земле интенсивно таяли клочками, превращаясь где в грязь, где в черные беспросветные лужи.

В голове тоже ничего ровно не укладывалось. И тоже беспросветно.

Надо отпустить ситуацию. Уверен, всему есть достойное объяснение. Без мистики и чертовщины. Проблему нужно... раздробить. На мелкие составляющие. Прежде всего – газета. Без вариантов – новодел, но пусть мне это скажут эксперты Конторы. А заодно выдадут предположения – где это сделали, каким образом, что использовали, чтобы получилось так натурально.

Отсюда и начнем плясать.

Черт, по идее надо сразу лететь к Пятому, но... будет скандал дома. Опозданий из школы мама не приемлет. Тогда все на завтра. Утро вечера мудренее.

– Эй, мелкий! А ну, стоять!

О! Вали все в кучу.

Говорю же – не ходят беды поодиночке. Как и хулиганствующие подростки. Числом пять, возрастом десять-двенадцать лет. Ну да, в это время мелочь вроде меня из школы уже не ходит, это я припозднился. Сейчас шарахаются те, кто постарше, ищут острых ощущений. Грех пропустить школьную молекулу вроде меня без наказания.

Я остановился.

Когда уже компьютеры придумают наконец? Чтобы занять этих геймеров хоть чем-нибудь. Устроили себе шутер в натуре. С живыми хоббитами.

– Деньги есть?

Вы думаете, им действительно нужны деньги? Типа я сейчас им отслюнявлю из личных закровов, и все? Конфликт исчерпан? Как бы не так! Здесь важен процесс. Сама процедура самореализации на унижении того, кого можно безболезненно унижить.

Здесь ключевое слово «безболезненно».

На этом и сыграем.

Я поставил портфель на землю, неторопливо расстегнул на пальто две нижние пуговицы, еще раз внимательно оглядел присутствующих и... неожиданно для всех пробил высоким эффектным «маваши гери» в плечо кадру, стоявшему от предводителя шайки слева. Почему

не в голову? Нельзя. Травмоопасно. А так выбранная жертва кулем завалилась на атамана, отделавшись, я думаю, всего лишь незначительной гематомой на левом предплечье. Если не считать морального унижения.

Бытует мнение, что первым вырубать надо лидера. Поверьте практику, это не так. Плохо может закончиться. Эту установку выдумал тот, кто, по всей видимости, вообще никогда не дрался.

Судите сами.

Допустим, собрав в кулак все свои таланты и набравшись невиданной отваги, ты с первого же удара отправляешь лидера в нокаут, что, к слову, не очень-то и просто. Лидеры – они ребята крепкие. Тем не менее, допустим, удалось его вырубить. И что дальше? А дальше тебя энергично месят все оставшиеся на ногах оппоненты, от которых отбиться у тебя уже не остается ни мужества, ни талантов. Почему? На это есть две причины.

Во-первых, любой начальник несет в себе зачатки консолидирующего начала, превращающего группу людей в организованную структуру. Сложно? Скажу проще – он для коллектива как флаг для государства. А заодно и герб, и гимн. На уровне символических ощущений. Что с вами сделают в стране, где вы сходу начинаете пинать ногами местный штандарт? То-то и оно. Не похвалят. Посмел ударить вожака – значит, наплевал на все стадо. Отара такого не одобрит.

Во-вторых, согласно иерархии там, где есть номер первый, всегда найдется кто? Правильно, номер второй. Который по своей неизменной человеческой натуре мечтает стать кем? Опять правильно, номером первым. А тут такой случай! Бесстрашный хоббит демонстративно отправляет начальника к плинтусу! Роняет статус вожака на глазах у изумленной публики. Делает то, о чем так долго и неизбежно мечтал номер второй долгими холодными вечерами. Полдела сделано! Да какие «пол»! Девяносто процентов жара уже отскридовано в сторону чужими глупыми руками. Остается малость – срочно подхватить падающее знамя и стать героем в глазах осиротевшего коллектива. И пока глупенький герой наивно празднует Пиррову победу, считая поражение лидера окончанием своих неприятностей, необходимо оперативно напихать ему «пряников» с разных сторон, чтобы знал, как плевать на все уважаемое общество в лице поверженного атамана. И вот номер второй уже кто? Ну, дальше все понятно...

А вот если первым вырубить подшакальника, называйте его хоть номером вторым, хоть замом, хоть серым кардиналом, о!..

Смотрите сколько плюсов. Прежде всего, чудесным образом сбивается темп процедуры, потому что людям необходимо какое-то время для того, чтобы осмыслить, что это вообще было и как поступать дальше. Сразу в бой бросаться вроде как и не обязательно: триединый флаг, герб и гимн в одном лице пока в целостности и сохранности. И, к слову, этот триумвират тоже пока стоит и соображает. Во-вторых, лидер на то и лидер, потому что чуток умнее своей свиты. Он торопиться не станет. Наблюдая короткую и нечаянную расправу над своим замом, которого, если честно, он и сам недолюбливает, вождь чисто теоретически понимает, что от этого борзого хоббита-неадеквата запросто может прилететь и ему самому. Эвон как ногами машет! Не приведи господь опозориться перед подчиненными. Здесь торопиться не надо, дороже обойдется...

Посему есть смысл все же пообщаться с нечаянной жертвой, которая на поверку не такая уж и жертва. Да так пообщаться, чтобы без потери лица. Подшакальник не в счет, уже списан. И лидер обязательно попробует начать разговор по-другому. В смысле... не так резко, как раньше.

– Каратист, что ли?

Я же говорил.

Кстати, тема каратистов с недавнего времени становится среди шпаны очень популярной. С прошлогодней песенки Карла Дугласа «О-го-го-го! Эври бади уоз кунг-фу файтинг. Ху! Кия!»

– Может, и каратист.

Я скользнул назад в кошачью стойку, некоаши-дачи, отработал «пустой шаг», потом резко крутанул банальную двойную «вертушку» и присел «богомол», подрагивая кистями рук, сложенными характерными крюками.

– Классно! – не удержался атаман. – Засохни, Борман! А то и от меня еще получишь.

Это он своему заму, который вяло нарывался на реванш по принципу «держите меня семеро».

– Ты с какой школы, пацан? С пятой?

Я встал и застегнулся.

– С тридцать девятой.

– А чего здесь ходишь?

– Чего-чего. Живу я здесь.

– Не понял. Так ты наш? С Дач? А чего в пятую не ходишь?

И этот туда же.

Про маму ему рассказать? Для которой пятая со всеми обитателями для ее сыночка рожей не вышли. Сыплет, понимаешь, соль на рану.

– Скоро пойду в пятую. Через год, наверное.

– Найдешь меня там. Спросишь Серегу Грищенко, Гришу. Никто тебя там не обидит. Если чего, сразу ко мне.

Бальзам на душу. Теперь до пенсии буду спать спокойно.

– Я понял. Пойду я. Где мой портфель?

– Эй, толпа! Кто портфель притырил? Мося! В зуб дать? Видал, как... слышь, а звать-то тебя как?

– Витя.

– Видал, Моська, как Витек Бормана уделал?

– Да вот он, портфель. Я поднял просто, чтоб... на земле не валялся.

– Давай сюда! На, Витек.

– Угу. Ну, я пошел.

– Давай, двигай. Крути педали, пока не дали. Гы-гы.

Статус реставрирует. Ретуширует легкие трещинки на фундаменте собственного авторитета. Атаман! Просчитывается, как арифметическая формула.

А вообще я этой шайке даже благодарен. Отвлекли немного. Да и адреналина в кровь добавили, чего греха таить. По всем раскладам, если без травмирования окружающих, то со всеми пятерыми я бы не справился. Запинали бы числом, пока я кропотливо соизмерял бы свои возможности с их хрупкими подростковыми частями тела.

Сработал сейчас чисто на психологии. На понтах, если так понятнее. Переиграл менталитетом, что, учитывая возраст, и немудрено. Но... все равно сердечко бухает чуть чаще, чем обычно.

Все, вот и милый дом.

Я глубоко вздохнул напоследок и вприпрыжку направился к подъезду.

А там...

Как шелкнуло в голове. Почувствовав неладное каким-то двадцать седьмым чувством, я уселся на ступеньку и медленно отшелкнул замки портфеля.

Ну да. В принципе, можно было и не заглядывать.

Газеты не было.

Почему я не удивился?

Глава 8

Неуместное веселье

– Вынужден признать, что, ковырнув пальцем в только одному ему известном месте, наобум, без фактов и доказательств, Старик тем не менее вывел нас на возобновление расследования этого запутанного дела.

Кто забыл или не знал, Старик – это мой позывной. А потому, между прочим, что фактически я здесь старше всех. Хоть физиологически и выгляжу второкласником средней советской школы.

Поэтому на едкое замечание Пятого о ковырянии пальцем могу и обидеться. Повезло начальнику, что сегодня я сам не свой. Надо думать, после вчерашнего буйства сюрреализма. И ведь не расскажешь никому! Имеется в виду – без риска загреметь в соответствующий диспансер.

– Вот мне просто интересно... – Шеф поерзал в кресле, удобнее усаживаясь и рассчитывая, видимо, на долгий и увлекательный ответ. – Какое событие стало исходной точкой в цепи логических умозаключений, которые сконцентрировали твою заинтересованность ни много ни мало – на групповом убийстве в Камышлах?

У меня почему-то перед глазами возникла деревянная рейка, торчащая из... гм... подъягодичной складки. А потом из глубин памяти всплыла унылая физиономия Козета, украшенная почему-то шикарными усами и бородкой Георгия Валентиновича Плеханова, да еще и с нахлобученным до самой переносицы ленинским картузом. К слову, безбородый дубликат сидел тут же рядом и ехидно ухмылялся.

Я прищурился.

– Нету никакой исходной точки, Сергей Владимирович. Просто профессиональная интуиция. Опыт... помноженный на годы.

Сан-Саньч не удержался и хмыкнул.

Вообще-то мы сегодня солидно заседали в кабинете Шефа, а не почесывали брюхо в спортзале, как обычно. Начальник решил накачать официоза и вызвал нашу группу в главный штаб. А у Козета опять хиханьки. Отмазался от экзаменов по истории партии и счастлив. А благодаря кому отмазался? А? Надо напомнить...

– А вот скажите, Сергей Владимирович. Гляжу я, Сан-Саньч сидит тут, улыбается. А он Ленинские зачеты сдал? Прежде чем к новому делу приступать? Он вообще готов идеологически? Или все на самотек?

Шеф устало вздохнул.

– Не до зачетов, – отрезал он. – И не до веселья. Поэтому отставить ваши хохмы. Тебя, Старик, в первую очередь касается!

– А что я...

– Отставить, я сказал!

Ого! Не часто начальник голос повышает. Что-то, значит, не так.

– Накладки какие-то, Сергей Владимирович?

– Угадал! – Вспышка досадливого раздражения еще не прошла, но Шеф быстро возвращал контроль над собой. – Курировать нас будут. Контролировать и направлять.

Вот это новости!

– Мы что, под надзором теперь будем работать? – вкрадчиво поинтересовалась Ирина, пытаясь успокоить своим мурлыканьем раздраженного Шефа.

Пятый в раздражении! Тушите свечи.

– Номинально. – Начальник окончательно взял себя в руки и теперь хмурился, стыдясь собственной несдержанности. – Представитель группы партийного контроля получает доступ к материалам расследования. В части, касающейся... короче, туда, где мы ему позволим касаться. Понятно?

– Более чем.

– Предполагается высокий резонанс и серьезная политическая подоплека. Поэтому партия решила проконтролировать ход нашего расследования.

– А как они пронюхали?

Я молод и малосознателен. Мне дозволяется чуточку диссидентствовать. И либеральничать. И демократничать. Короче... борзеть в меру.

Но вопрос в тему.

– От меня и пронюхали, – раздраженно бросил Пятый. – Через Совет ветеранов войны. Я наводил там справки о потерпевшем.

Послушался меня все-таки.

– Ну и как? Навели?

– В этой папке – все, что наработали следователи и дознаватели из МВД по убийству. Есть даже протокол о передаче материалов законченного следствия в прокуратуру. Если бы не наше вмешательство, – выразительный взгляд в мою сторону, – на днях все эти художества бодро отправились бы в суд. Под «строительство вышки», разумеется. Для того самого бестолкового пьяницы. В целом – все грамотно, весомо и основательно, если бы не...

– Совет ветеранов, – подсказал я. – Это понятно. Мы почитаем, конечно. Все до буковки изучим. А в двух словах можно? Вслух?

– В двух словах, – проворчал начальник, выравнивая лежащие на столе бумаги и письменные принадлежности до состояния режущей глаз симметрии. – В двух словах не получится.

– Тогда в трех... – ляпнул я и осекся.

Шеф так зыркнул, что я чуть язык себе не откусил. «И вырвал грешный свой...»

Еще и Ирина чувствительно пнула меня под столом по коленке. Да, самое время помолчать.

– Потерпевший Кондратьев Тимофей Леонидович, одна тысяча девятьсот двадцать шестого года рождения, уроженец поселка Ключи под Симферополем, – стал рассказывать Сергей Владимирович. – Партизан. – Выразительный взгляд в мою сторону. – Один из немногих, кто остался в живых после содержания в концлагере «Красный». Об этом заведении подробной информации в широком доступе нет, хотя три года назад все же состоялся суд над палачами. Кого нашли.

– В Германии нашли?

Пятый хмыкнул.

– Не все так просто.

Открыл ящик стола и вытащил на свет несколько фотоальбомов, толкнул по столешнице в нашу сторону.

– Ребенок, у тебя нервы крепкие?

Хороший вопрос.

Особенно после того, как в течение последних полутора лет волей обстоятельств я пару раз был буквально в сантиметре от гибели.

– Где страшно будет, я глаза закрою.

– Ну-ну... – Видно было, что Пятому тоже как-то не по себе.

– Какой-то особый концлагерь? – поинтересовалась Ирина.

– В том-то и дело, что... особый, – сказал начальник, пока мы, холодея, разглядывали пожелтевшие от старости фотоснимки. – Бывший совхоз «Красный» во времена оккупации Крыма фактически был «фабрикой смерти», и не столько для военнопленных, сколько

для гражданского населения. Включен в международный реестр наряду с «Бухенвальдом» и «Дахау».

– Ничего себе.

– Всего за два года замучено, сожжено, сброшено живьем в колодцы, забито до смерти и уморено голодом примерно пятнадцать тысяч человек. Я употребил слово «примерно», потому что из колодцев не изъято останков около двух тысяч узников. Колодцы просто решили запечатать и залить бетоном, работники на раскопках падали в обморок и сходили с ума.

Мы молчали, оцепеневшие.

А начальник продолжал тихим, ровным и страшным голосом:

– Стационарных печей не было, но людей жгли так называемым «стеллажным способом». Нижний слой – шпалы, потом люди, доски, керосин. Снова люди, доски, керосин... люди, доски, керосин – и так до десяти слоев. Люди... гм-м... многие, короче, были еще живы. Найдено два таких «стеллажа», в одном было сожжено минимум две с половиной тысячи, во втором – около тысячи семисот. На пожарище даже костей не оставалось, один лишь пепел. Фотографии в этом альбоме. А вот в этой папке материалы судебного процесса над палачами. Три года назад он наконец состоялся. В Германии, спрашиваешь, искали?

Шеф как-то очень неприятно оскалился.

– А где еще? В Канаде? В Аргентине, Бразилии?

– В Советском Союзе, – подрагивая голосом от чрезмерного спокойствия, ответил Шеф. – Из персонала лагеря только четверо – немцы. Все остальные – шуцманы, полиция Сто пятьдесят второго крымско-татарского шума-батальона. Да-да. Те самые, о которых ты тут намерен распинался. За два дня до освобождения Симферополя они провели последнюю акцию уничтожения. Так называемую «процедуру зачистки лагеря». Вручную... из пулеметов. А потом, по дороге на юг, куда они якобы отступали с немецкими войсками, шуцманы просто банально растворились в предгорьях. Разбежались кто куда. На все четыре стороны. И списки личного состава все пропали, или спрятал кто-то, или просто кто-то уничтожил от греха. Вот и пришлось вылавливать их по свидетельским показаниям без малого тридцать лет. Все, что они творили с узниками концлагеря, в материалах суда подробно описано. Читайте, анализируйте.

Он шумно встал, толкнув кресло назад.

– Я в партком. Знакомиться с куратором. Вы работайте с документами. Материалы под грифом, из кабинета не выносить, записей не делать.

– Сергей Владимирович, мы знаем, что такое «под грифом»...

– Как раз это я и хотел услышать. И именно от тебя, учитывая, что ребенку вообще допуск не положен!

– Так я знаю, что... все это безобразие под вашу личную ответственность. Ценю даже.

– Ладно, работайте, – не стал ввязываться в перепалку Пятый. – У вас два часа на все про все. Потом жду версии.

– Ой, постойте, Сергей Владимирович!

– Ну, что еще?

– Вы говорите «версии». Организуйте нам встречу с подозреваемым. С тем самым пьяницей, что чуть под «вышак» не загремел. Он ведь наверняка в отказе?

– А ты откуда знаешь?

– Опыт...

За спиной закашлялся Козет.

– Организую. Все. Читайте. Я пошел.

– Ни пуха...

– Отставить!

– Понял.

Хлопнула дверь. Излишне, надо сказать, резко хлопнула.

– Ну ты что, Старик? – Ирина демонстративно покрутила пальцем у виска. – Шеф и так на взводе.

– Да я понимаю. – Я уселся за стол и пододвинул к себе папку с материалами суда. – Ну, что там у нас «под грифом»? Да-а, не секретить эти документы надо, а в газеты, в листовки, в телепередачи и кинофильмы. В школах надо на «уроках мужества» показывать!

– Кому надо виднее.

– «Кому надо» страну прощелкают через пятнадцать лет!

– Чего-чего через пятнадцать лет? – оторвался Сан-Саныч от материалов дознания. – Какую страну прощелкают?

Ирина за спиной у Козета сделала мне «страшные глаза» и очередной раз покрутила пальцем у виска. Ну да, погорячился. То, что я из будущего, знает только Ирина. Козет пока в круг посвященных не допущен.

– Фантастическую, – буркнул я с показным равнодушием. – Фантастически тупую и неорганизованную страну. Ты что, Стругацких не читал? «Попытка к бегству»? Там герой, между прочим, тоже из концлагеря сбежал.

Сан-Саныч только рукой махнул.

– Нашли время для литературного салона. Давайте работайте с секреткой! Не филоньте.

А ведь и точно, Козет сейчас в отсутствие Пятого по субординации старший!

– Слушаемся, герр гауптман.

Сан-Саныч медленно отложил от себя очередной протокол допроса и внимательно посмотрел на меня.

– Слышь, Витек. Как бы тебе это доходчиво объяснить? Чтобы дошло до нужного места. Ты ведь вроде как умный? Тогда должен врубиться. Ты это, брось хохмить по этому поводу. Особенно вот так. Не стоит шутить как попало, случается, что и не смешно бывает. У тебя под носом целая пачка фотографий с горами костей и черепов человеческих. Они, между прочим, от людей остались, которые запросто могли дожить до нашего времени. А тут на фотографии, гляди, завалы из пепла! И шпалы обгоревшие. Заметь, шпалы даже не прогорели до конца, а от людей... песочек только серый. А вот смотри, это наручники из проволоки. Людям сзади руки скручивали и... живьем в колодец! Смотри-смотри, вот эта гора с человеческий рост – это все проволочные наручники!

Мне показалось, что вместе со щеками у меня даже кончики ушей полыхнули красным.

Ай да Сан-Саныч. Уважаю!

– Прости, – сказал я тихо и покладисто уселся за материалы.

Уел меня Козет! Сделал. А поделом! Так тебе и надо, умник сопливый!

Воцарилась рабочая тишина.

Почему большинство фотографий я вижу первый раз в жизни?

Я! Историк, публицист. Да и просто неравнодушный и любознательный по жизни человек? Почему действительно все эти материалы суда над палачами засекречены от народа? Кого мы очередной раз боимся обидеть? Зачем мы даем повод будущим либерастическим подонкам заявлять через два десятка лет, надув щеки, что весь этот кошмар – хитрая фальсификация комитетчиков? Мол, неправда все это! Не было в совхозе «Красный» десятков тысяч невинно убиенных! А если и были, то это все кагэбэшники сами и устроили.

Вот сидят рядом со мной за столом молодые, приятные на вид люди, тоже кагэбэшники, между прочим, профессионалы, бойцы, и все равно бледнеют, читая. Кулаки сжимают до белых костяшек.

Как можно, к примеру, придумать, сфальсифицировать такое: как только ушли немцы и шуцманы из концлагеря, уничтожив предварительно всех узников, оставшиеся в живых жители Симферополя кто пешком, а кто на подводах устремились в урочище Дубки, где и проходили акты массового убийства. Люди бросились искать своих родных и близких среди

бездыханных, изуродованных тел. Сразу везли гробы на телегах, чтобы дважды не приезжать в это адское место. А к вечеру местный городской лазарет был наводнен невиданным доселе потоком сошедших с ума людей. Не всякая психика выдерживала открывшееся горожанам зрелище. Вот факты, вот показания медперсонала, журналы, ведомости тех лет. Это что, все тоже сфальсифицировано? Искусственно придумано?

Как такое вообще можно выдумать?

А вот показания обвиняемых, бывших охранников лагеря, как они без смысла заставляли изможденных людей таскать по полю камни, как устраивались демонстративно-показательные расстрелы, как ежедневно к «отбойному» столбу, стоящему посередине лагеря, привязывали одну жертву и показательно забивали ее насмерть плетью из бычьей кожи, переплетенной стальной проволокой. Развлечения ради...

Жертва группового убийства на Северной стороне, Тимофей Кондратьев тоже побывал у этого «отбойника», вот его показания на суде. Чудом спасся. Одноглазый шуцман, которого сами полицаи за жестокость прозвали «Шайтаном», все норовил попасть человеку кончиком плети по глазам. Жаждал отомстить за свое собственное увечье. А Тимофей, прикованный к столбу, все крутился да изворачивался. Шайтан и зубы ему повыбивал, и ребра переломал, ключицу надвое, а по глазам попасть все никак не мог! Бездыханного, полумертвого Тимофея оттащили в барак и бросили на пол помирать. А утром в барак зашел комендант лагеря обер-шарфюрер СС Карл Шпекман и вдруг неожиданно приказал отвезти избитого узника в городской лазарет. Немец, скорей всего, сам был в шоке от жестокости собственных подчиненных. А из лазарета парню помогли бежать подпольщики – вынесли его под видом умершего, а затем переправили в горы к партизанам.

Придумано?

Чудом повезло парню, которому тогда было сколько? Семнадцать лет! Мальчишка, которого просто во время облавы случайно зацепили полицаи. С улицы забрали – не понравился он им чем-то.

И для того ли ему тогда повезло, чтобы его какое-то животное через тридцать лет, в мирное уже время, зверски растерзало? Вместе с семьей. Вместе с женой и дочерью! Уму непостижимо. Получается, догнала мужика война! Настигла, когда он и не ждал. Когда страшные свои мучения в концлагере готов уже был забыть, как кошмарный сон. И не говорите, что это сотворил пьяный односельчанин. Это сделала война! Пулей на излете, шальным осколком от взрыва, ошметками людской изуверской злобы, уже безвластной, но не ставшей от этого менее опасной.

Я перевел дух.

Глубоко втянул в себя воздух – с надрывом получилось, как перед плачем. Медленно выдохнул. Заставил себя успокоиться.

Кому ты помешал, Тимофей Кондратьев?

Для кого стал опасным через тридцать лет после того, как отгремело последнее эхо той ужасной войны?

Узнал кого-то?

Повстречался случайно с упырем из прошлого, выпустившим наружу свои кровавые когти? «С фашистской жестокостью». Ох и непростая мне вчера статейка на глаза попала! Ох и непростая. И вся эта мистика...

А ведь эффект от вчерашней чертовщины получился совершенно противоположным! Кто-то, рассчитывая меня отпугнуть, сам того не желая, четко указал: «Правильным путем идете, товарищ!» А я к тому же еще до кучи и разозлился от всех этих непоняток. От аллюзий и парадоксов. Ах, вы газеты воровать? Да фокусы мне Копперфильдовы с принцессой Дианой показывать? Ужо я вам!

«Бороться, искать, найти и не сдаваться!»

Что там было? Улица Эстонская? В Симферополе, на секундочку! Где неподалеку и размещался совхоз «Красный», чудовищная фабрика смерти.

Вершина европейского цинизма в союзе с азиатской кровожадностью.

Оттуда и начнем плясать.

Глава 9

Школа юного физика

Мой школьный регламент выстроен следующим образом.

Первый час я, как образцовый ученик, добросовестно отсиживаю на уроке, без разницы на каком – согласно расписанию. Не выпендриваюсь, не умничаю, сам отвечать не лезу, но если вызывают, туплю и тяну на «четверочку», чтобы лишний раз не выделяться. Бывает, что ради разнообразия и по настроению я отсиживаю и второй час.

Потом по «легенде» отправляюсь в специализированную школу юного физика оттачивать свои нечаянным образом обнаруженные физико-математические наклонности. Легенду поддерживает, крепит, холит и лелеет школьная завуч, нештатный сотрудник КГБ, впрочем, как и большинство советских завучей того времени. Она же и отвечает за все записи в журналах, табелях и бог весть где еще. Ибо... «без бумажки ты букашка».

Кстати, не один я такой перспективный в этом элитном заведении. Упомянутая Света Черешня уходит с третьего часа в спортшколу, она – талантливая акробатка и будущий олимпийский резерв Советской Родины. Мальчики-одноклассники по этому поводу при всяком удобном случае норовят ее... побить. Пока не ушла. Наши элитные мальчики такие затейники!

Кое-кто с уроков уходит на курсы совершенствования языков, я так понимаю, будущие дипработники. Кто-то исчезает готовиться на школьные олимпиады: честь заведения превыше всего. Короче, класс у нас еще тот: «А у нас текучка, така страшная у нас текучка...» В этом плане я удачно попал.

Разумеется, нет в природе никакой школы юного физика.

С озабоченной миной подрастающего Альберта Эйнштейна я ежедневно покидаю свою элитную альма-матер идвигаю через Комсомольский парк – в сторону набережной Корнилова. Там, в шикарном здании Дворца пионеров, за фальшстенной гимнастического спортзала находится резиденция нашей оперативной группы. Фактически это тоже спортзал – с татами, зеркалами, макиварами и другими продвинутыми атрибутами.

Здесь меня методично натаскивают два моих инструктора – Сан-Саньч и Ирина. Позывные Козет и Сатурн. Все трое мы – резерв Ставки Верховного Главнокомандующего, нашего горячо любимого и обожаемого господина Пэ-Жэ – Сергея Владимировича Бесфамильного, в смысле, хрен знает какая у него фамилия. Позывной – Пятый, да и ладно. Как сложился наш симбиоз – рассказывать не буду: длинная и большей частью не очень веселая история.

В этой комплектации мы работаем уже полтора года, стараясь не афишировать особо того факта, что в отечественных силовых структурах по полной программе задействован несовершеннолетний ребенок. Необычный, конечно, ребенок, сверхэрудированный, не по годам смысленный и... как бы это выразиться помягче, обладающий чудовищным чутьем на всякого рода неприятности, которые на поверку в той или иной степени оказываются в зоне интересов советской государственной безопасности. Этакий живой талисманчик, артефакт магический. По всей видимости, меня так и расценивают все, кроме Ирины, которая, как я и говорил, в курсе моей истинной сущности.

В наш схрон есть два входа: один со стороны детского спортзала, второй – через тайный подземный ход из подсобок находящейся рядом по набережной водной станции, городской школы юного пловца. Мне по инструкции положено входить и выходить через эти воняющие водорослями катакомбы. Однажды один очень нехороший человек возжелал вытрясти душу из меня в этих мрачных коридорах, но... силою случая сам почил в бозе.

Шарма этот случай сим интерьерам не прибавил, но я сильно и не заморачиваюсь, ползаю по темени, оскальзываясь на мокрых ступенях, и благоразумно зажимаю себе нос в особо

трепетных местах. Зато в нашем спортзале можно появиться совершенно неожиданно – достаточно сдвинуть в сторону шторку с секретом в глубине душевой комнаты. К слову, мой второй инструктор Ирина именно по этой причине предпочитает принимать водные процедуры где-нибудь в другом месте, например, в женских душевых за сектором художественной гимнастики Дворца пионеров. Она, кстати, реально числится в тренерском штате, поэтому почти всегда рассекает в красном спортивном костюме с претенциозной надписью «СССР» на груди.

Кстати, а где она?

Козет на месте, прыгает козлом по татами и счастлив безмерно от этой незатейливой процедуры.

Вот, к примеру, крокодил. Рептилия, мать его. Лапы, хвост, главное, что примечательно, не жабры, заметьте, а легкие. Плавников тоже, между прочим, не видать. То есть по-любому – сухопутный зверь. Ан незадача – на суше он как... бревно с ножками, ни тебе скорости, ни тебе прыгучести. Зато в воде!.. Его стихия. Гоняет между плавунами что та торпеда, круче монстра не сыщешь.

Так и Сан-Саных.

Неуклюж, косноязычен и тормознут. Да и внешне... клещеног, приземист и пенькообразен. Бревно на ножках. Но если дело касается единоборств... Это – аллигатор в водах Нила! Коршун в поднебесье! Грозен и изящен аки тигр. И ноги выпрямляются чудесным образом, и рост откуда-то берется, и... короче, щемись рыбка любая, и большая, и маленькая. Да и вообще чуть какая опасность – Козет моментально преобразуется чудодейственным образом. И куда только неуклюжесть девается? К слову, чудесные его навыки как-то один раз мне даже жизнь спасли.

– Цзао, Сан-Саных!

– Ф-у-ух. Витек? – Козет зафиксировался наконец в пространстве и вытер потное лицо полой борцовки. – Цзао, коль не шутишь. Цзаошан хао¹, пока его нам не испортили.

– Да не испортят, нормальное утро! Солнечное и морозное, все как у Пушкина. А где Ирина?

– Где-где. В тюрьме.

– Допрыгалась? И сколько дали?

– Да всего-то пару часов, и ни минутой больше. Как от себя отрывают...

Я сунул кипятильник в банку с водой. Утренний чай – наша фишка и традиция.

– Значит, сельского пьяницу крутит, – допер я. – А меня, выходит, не взяла, потому что трудно объяснить присутствие в СИЗО излишне любопытного ребенка младшего школьного возраста.

– А ты догадлив сегодня, Парамоша. Как никогда. Я в душ.

– Да-да. Помойся. И побрейся. И оденься цивилично, дело есть.

– Опа! А ты, я смотрю, уже все для меня распланировал?

– Не я решаю, а обстоятельства...

– Давай выкладывай, пока я бриться не начал.

– В Симфи надо прокатиться.

– А че так? Давай лучше в Стамбул! Тут морем недалеко, каких-то четыре сотни миль...

– Симферополь ближе. Слушай, Саных, там в апреле сорок четвертого на улице Эстонской похожая резня была. Тоже топором. И тоже с финальным убийством собаки.

– Ого! Откуда информация?

Вот что ему ответить?

Плести про самоперепечатающуюся газету? Про тетюшку Тортилу с Дианой-кудесницей? Проще туману напустить.

¹ Доброе утро (*кит.*).

– Источник сообщил. Оперативный.

– Надо же! Школьная гардеробщица? Или трудовик с устатку? А! Я догадался. Это у вас в стенгазетах такие вещи пишут. Или в библиотечке на стендах: «Если дядя с топором – не общайся с...»

И завис, Лермонтов. С рифмой проблемы.

Вот бы он удивился, если бы знал, как на самом деле точно бьет по площадям! Ведь действительно информация из «библиотечки».

– «С дураком»! Это тебе для рифмы. Какая разница, кто сообщил? Роберт ты наш Недо-Рождественский! Я когда-нибудь вхолостую волну поднимал? Иди брейся. И вообще... Кто мне тут давеча про тупой юмор задвигал? С траурным выражением на небритой физиономии...

– И мне чаю завари, – оставил за собой последнее слово Козет, исчезая в душевой.

Нечего ответить по существу? Бей врага его же дубиной!

До вокзала добрались на «девятке».

Тут у нас вообще с этими троллейбусами бывает забавно. На Корабельную сторону от Приморского бульвара идут все «нечетные» троллейбусы – «единица», «тройка», «семерка» и «девятка». «Пятый» – не в счет, он вне системы, потому что Матюхинский и поворачивает с главного кольца в противоположную от вокзала сторону. И у «пятого» бывают только «Шкоды» на маршруте – желтые обтекаемые вагончики мылообразного вида. Так вот, «тройка» и «семерка» идут вокруг Центрального холма против часовой стрелки, «единица» и «девятка» – по часовой. На площади Пушкина маршруты встречаются и дальше по одной проволоке скатываются вниз к вокзалу. Что интересно, первая пара ходит чаще, зато у второй – плечо короче до поворота на Красный спуск. А тут, где мы ждем сейчас общественный транспорт, между прочим, площадь Нахимова, самое сердце города, здесь находится крутой изгиб дороги, в общей сложности – на сто восемьдесят градусов. Короче, чтобы быстрее доехать на вокзал, нужно разместиться где-то между двумя противоположными остановками на экстремуме изгиба и вычислять, когда с той или иной стороны появится троллейбус «не-Шкода»: не яичный облизанный обмылок, потому что то «пятерка», а красная или синяя – угловатая коробочка «ЗиУ», саратовское детище отечественного троллейбусопроизводства.

Такой вот занимательный тетрис.

Земляки поймут.

Прикол в том, что мы не одни такие умные. Вот и стоит у пешеходного перехода такая разношерстная группка продвинутых троллейбусоюзеров и крутит головами налево-направо, дабы не упустить рогатую птицу удачи с той или иной стороны.

Но самый писк, когда «продвинутые» едут на вокзал с багажом! Да еще и опаздывают на поезд, потому что на этой остановке реализуется пересадка с катера. Ставки резко повышаются! Чемоданы тогда оставляются около бордюра перед переходом на внутреннем радиусе, с ними – малоподвижные члены семьи. Потом, скажем, папа идет на улицу Ленина выглядывать троллейбус на ранних подходах, а мама – на проспект Нахимова с той же целью. В результате кто-то из них с воплями и бешеными глазами летит сообщать семейству радостную весть о скором прибытии долгожданного транспорта.

А иногда и... оба летят. Синхронно. Тут уж на выбор... как кости лягут.

Но самое страшное случается, когда приходят два встречных троллейбуса, а одной из «не-Шкод» все же оказывается... предательский номер «Пятый», – бывают же исключения, и ему по дьявольскому наваждению уже отдано семейное предпочтение.

Редко, но случается.

Любо-дорого тогда посмотреть на рывки и конвульсии обхитрившего самого себя семейства, классический пример возмездия по закону «За двумя зайцами погонишься...».

В нашем случае «девятку» мы с Козетом выпели дружно и слаженно. Что мы, не боевые оперативники, что ли? И на вокзал приехали быстро, успели даже билеты на электричку приобрести: не захотел Сан-Саныч лишний раз корочками светить. Так-то у него проезд бесплатный, кто не знает.

– А знаешь, кто у нас куратором от горкома?

– Откуда я могу это знать?

Да и не интересно, честно говоря. Достали уже с этой партийной мракобесией!

Тем более что у меня на данный момент есть более важное дело: нужно сосчитать, сколько же у нас железнодорожных тоннелей на подъезде к городу. Это забава всех местных пацанов – пересчитать тоннели очередной раз, когда едешь на электричке, через час благополучно эту цифру забыть и все оставшееся время до пункта назначения спорить до хрипоты с попутчиками – пять их или шесть. Но точно... не четыре. Блин, да это заразно!

Козет еще и отвлекает меня в этакий ответственный момент. Пустяками всякими.

– А куратором у нас назначен мой старый знакомец, – вздохнул Сан-Саныч. – Тот самый, кто у меня зачета не принял.

Я чуть не подавился. Хотя и не ел ничего.

Вот ведь судьба-злодейка!

– Может, тебя сглазил кто, а? Саныч? У меня монах есть знакомый в Инкермане, хочешь, отмолит?

– Да пошел ты...

Козет обиженно отвернулся к окну.

– Ладно-ладно. Слушай, а почему именно он? Как его? Полищук, кажется?

– Да, Полищук. Я эту фамилию надолго запомню! Хотя... в принципе, он мужик неплохой, правильным делом занимается – материалы собирает по тому самому концлагерю, откуда бежал потерпевший. Все эти фотоальбомы, папочки с документами – все это он нам предоставил.

– А откуда такое странное хобби?

– Хобби? Вообще-то он сам в этот лагерь угодил в свое время. Чудом жив остался.

– Да ну! А спрашивали его – убитого партизана он знал или нет?

– Спрашивали, естественно. Не знал. Просто в разное время они там были. Кондратьев в начале, когда режим был помягче и еще можно было в лазарет из бараков попасть, а Полищук – в самом конце, когда охранники вконец озверели. Партизаны их больно допекли. Немцы с полицией тогда целые поселки в лагерь гребли, женщин, детей, стариков, всех. А раз в «Красный» попал – по умолчанию партизанский пособник. Значит – под уничтожение, без вариантов. Какие там лазареты?

– Да уж...

– Полищук, собственно, сам и напросился на кураторство. Как только узнали в горкоме, что расследование связано с фашистскими недобитками, – его и позвали, а он тут же все свои архивы притащил. А потом и на совместной группе настоял. Счеты у него свои особые... по концлагерю.

– Могу себе представить.

– Ага, видно, натерпелся мужик...

– Натерпелся, – повторил я, задумавшись. – Он, а с ним и вся наша страна натерпелась, не дай бог. Я до сих пор не могу себе в полной мере представить, что тогда чувствовали люди. Жуть одна. А то, что концлагерей касается...

Я только головой покачал.

Мне эта тема – словно рашпилем по коже.

Порой в голове не уместается, до какой степени звериного состояния может деградировать человеческое существо. Да что там до «звериного»! При чем тут вообще милые добрые

зверюшки, даже и жрущие друг друга почему зря? У них, на минутку, инстинкты звериные, пищевые цепочки, природно-экологический баланс, в конце концов. Они такими созданы. Они не убивают ради удовольствия, ради всякого рода идей или политических концепций. Они просто кушать хотят.

Человек! Ты ведь не жрешь себе подобного! По крайней мере, давненько завязал с этими непристойными делами. Ты ведь считаешь себя венцом творения либо вершиной эволюционной пирамиды! То ли Богом, то ли Природой тебе отмерено самое величайшее богатство мира – Разум. И ты между делом используешь его... для изобретения проволочных наручников? Чтобы как можно больше и как можно дешевле умертвить себе подобных?

Вообще в голову не лезет.

У этих человекообразных чудовищ те же руки, те же ноги, что и у нас. Голова, глаза, уши, рот, нос – ничего не пропущено, ничего не прибавлено. Откуда тогда все это взялось – газовые камеры, стеллажные печи, «отбойный» столб посередине плаца? Что за невообразимый сдвиг произошел в сознании «человека разумного»? Каким образом «венiec творения» в одночасье превратился в раковую опухоль на теле цивилизации? Нет, это понятно, что осудили, заклеямили и запретили, – Нюрнберг был просто необходим. А ДОСТАТОЧЕН ли был этот процесс в конечном счете, если выражаться языком алгебры и начала анализа? Кто-нибудь удосужился изучить эту болячку, вникнуть в анамнез, разложить по полочкам причины и следствия? Вплоть до медицинских аспектов и диагнозов?

Может быть, и удосужился кто-то, только что-то я не помню широко распространенных материалов...

Вероятнее всего, так произошло – на скорую руку отсекали безгласно гниющий орган, образно говоря, вышвырнули нацистскую опухоль на свалку истории, подальше из поля зрения – и скорее поторопились забыть. Не очень приятно вспоминать, стало быть. И вот результат – гнилостные споры человеконенавистничества вновь поднимаются в воздух из старой перегнившей плоти, летят себе на все четыре стороны, ветром гонимые, празднуют свое освобождение, ищут мозги послабже.

И ведь находят.

И вновь чадят в Европе факельные вакханалии, и опять зигуют подростки там, где каких-то семь десятков лет назад тысячами бездыханных изувеченных тел рутинно забивались могильные рвы и целые овраги. И опять замыкается непрерывный круг истории, и опять зловеще мелькают спицы фатального колеса, грозя неумолимыми катастрофами, которые когда-то уже были. Но мы, как правило, легкомысленно предпочитаем не помнить ничего плохого. Защитная, знаете ли, реакция человеческого мозга.

Только защитная ли?

Хорошо, что в этом времени живы еще очевидцы...

– Ты знаешь, Саныч, может, оно и к лучшему, что с нами этот заслуженный партизан будет. Хотя он, как я понял, не очень и приятен в общении. Не знаю, остался бы я сам обаяшкой, если бы пережил столько, сколько он. Ты уж на него зубами особо не клацай. Ладно?

– Ладно. Лечишь меня, будто я всего этого не понимаю. И кстати, вот еще что – Шеф сказал, чтобы мы ему тебя не светили. Не стоит в горькое твою фигуру афишировать. Вопросы будут.

– Резонно. Ну и не афишируйте.

– Ага. Слушай, а давай-ка спланируем наши действия в Симферополе на ближайшие пару часов. Не хочешь?

– Думаю, самое время...

Глава 10

Пионер – всем балбесам пример

Улицу Эстонскую нашли быстро.

Я даже ее смутно помню – бывал тут в бытность учебы в военном училище.

Эстонская – это, как выяснилось, возле нашего «Пьяного угла». Кто был курсантом, должен непременно знать, какой объект скрывается под этим странным шифром. Потому что «Пьяный угол» есть в любом военном вузе. Ключевое слово – «военном». За этим туманным наименованием, как правило, скрывается угол забора, где безопаснее и легче всего лазить в самовольную отлучку. А «пьяный» он, потому что конструкция сего уникального места позволяет хоть и с трудом, но все же попадать обратно на территорию училища любому человеку, пусть он даже частично или окончательно выведен из строя токсинами алкалоидов.

Проверено.

Так вот, наша Эстонская улица оказалась прямо напротив «Пьяного угла» симферопольской кузницы боевых комиссаров стройбата, перпендикулярно широкому проспекту, проходящему вдоль черного кованого забора училища.

Коротенькая улочка, ста метров нет.

Кривая и в меру загаженная. Не заасфальтированная. По центру – хаотичный арык, водотвод от колонок и общих дворовых кранов, куда дружно выплескиваются еще и помои с кухонь. Как в Средней Азии. Явный признак татарского поселения. На то же самое указывают и своеобразные дворы на три-четыре семьи, узкие и длинные, коротким торцом выходящие на улицу. Общий туалет по центру с двумя дырками из гендерных соображений, вход в него, что любопытно, развернут к стене, в сторону соседского двора. Дабы не портить собственный дизайн и ауру. А соседи... нехай сдохнут, подонки.

Рядом с туалетом – общий кран водопровода, редко у кого труба идет прямо в дом. Все затариваются водой посредством банальных ведер, даже зимой. Тут же летний душ с дырявой бочкой над головой. Когда холодно, моются дома в тазиках. Живут в малюсеньких мазанках, темных и приземистых. Но прихожая есть у каждой конуры. Предбанник, сени, не знаю, как они их называют. Там, как правило, стоит примус или конфорка с газовым баллоном. Стало быть, кухня. Отопление печное. У каждой семьи напротив общего туалета – сарайчик для угля: дровами тут не топят, разве что предварительно разжигают топку. И горят эти трущобы – только в путь!

Впрочем, я увлекся.

Просто в свое время снимал угол в подобных «шанхаях». Скажу больше, жену в роддом отсюда отвозил, а потом целый год в этой антисанитарии сына пестовали, стараясь купать его по два раза на дню: все вокруг казалось грязным и засаленным.

И ведь живут же люди!

– Ничего мы тут не узнаем, – проворчал Сан-Саныч. – Зыркают тут на нас как на чужаков. Мы что, в Орду попали?

– Ты нормальный? – изумился я. – Вообще-то крымских татар депортировали тридцать лет назад. В Среднюю Азию, на секундочку. Ты где вообще тут Орду нашел?

– Да вон гляди, старушка. Она реально коричневого цвета.

Словечко «реально» эти дети застойного социализма у меня подцепили.

То ли еще будет!

– А дети! – не унимался Козет. – Вон смотри, скажешь, русаки?

– Нормальные казахи, – пожал я плечами, – или вьетнамцы, братья наши по борьбе со злыми янками. Точнее, дети наших братьев...

– Ничего мы тут не выходим.

Отчасти он прав.

– Давай, наверное, Саныч, поделимся. Ты дуй в милицию, у них областной инфоцентр на проспекте Кирова, недалеко отсюда. А я... А мне... Пойдем-ка на рынок, купишь мне... галстук пионерский.

– Чего?

– Частицу знамени нашего, цвета крови героев. И это без шуток, заметь. Да, и значок с пылающим дедушкой Лениным тоже пригодится.

– Ты это... все-таки... насчет Ленина... надо бы повежливей...

– А что, заложишь? Да не бойсь. Я дедушку Ленина уважаю. Его весь мир уважает. Мне просто фанатизм не нравится. Любой. Особенно полурелигиозный, заметь. И рвение балбесов, которые завтра переобучатся ровно в другую сторону, не поморщившись. Что называется, в воздухе. И вашего дедушку будут клясть почем зря, с таким же азартом, как молились на него раньше.

– Да ну, бред какой-то. Что значит «переобучатся»? Чтобы у нас в стране проклинали Ленина! Ты вообще такое представить можешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.